

10 Марта.

№ 8-й

1907 года.

ПОЛТАВСКІЯ

Епархіальныя Вѣдомости.

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ

ВЫХОДЯТЪ ТРИ РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ.

Цѣна годовому изданію, съ доставкой и пересылкой, 6 руб.

Адресъ редакціи: г. Полтава, Полтавская духовная семинарія

I.

Архіерейскія служенія.

Его Преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ Іоанномъ, Епископомъ Полтавскимъ и Переяславскимъ, совершены слѣдующія Богослуженія:

24 февраля, суббота, совершена Божественная литургія въ Крестовой церкви Полтавскаго архіерейскаго дома; послѣ литургіи отслужено молебствіе съ акаѳистомъ Божіей Матери.

25 февраля, воскресенье, совершена Божественная литургія въ Полтавскомъ кафедральномъ Успенскомъ соборѣ, на которой рукоположенъ въ санъ священника діаконъ Михайловской церкви села Савинецъ, Лубенскаго уѣзда, Петръ Короповъ, и во діакона псаломщикъ Николаевской церкви м. Лютеньки, Гадячскаго уѣзда, Порфирій Кожушко; послѣ литургіи отслужено молебствіе.

Его Преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ Θεодосіемъ, Епископомъ Прилукскимъ, 25 февраля, воскресенье, со-

вершена Божественная литургія въ Полтавскомъ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ; послѣ литургіи отслужено молебствіе.

II.

Распоряженія Епархіальнаго Начальства .

Отъ лица его Преосвященства, Епископа Іоанна выражается благодарность съ преподаніемъ Божія благословенія 20 февраля прихожанину Екатерининской церкви с. Хоружевки, Роменскаго уѣзда, крестьянину Спиридону Васильеву *Павленко* за пожертвованіе въ приходскую церковь плащаницы, стоимостію 100 руб.

Рукоположены въ санъ священника: 19 февраля псаломщикъ Георгіевской церкви с. Шкуропіевыхъ хуторовъ, Полтавскаго уѣзда, окончившій курсъ Полтавской духовной семинаріи, Іоаннъ *Правдиковскій* къ Михайловской церкви с. Лисовки, Гадячскаго уѣзда; 25 февраля діаконъ Михайловской церкви с. Савинець, Лубенскаго уѣзда, Петръ *Короповъ* къ Покровской церкви села Каптакузовки, Цирятинскаго уѣзда; во діакона на занимаемыхъ псаломщическихъ мѣстахъ 25 февраля псаломщики: Николаевской церкви м. Лютеньки; Гадячскаго уѣзда, Порфирій *Кожушко*, Р.-Богородичной церкви м. Вороньковъ, Черкаскаго уѣзда, Григорій *Горсунъ*; 1 марта, Успенской церкви м. Яблонова, Лубенскаго уѣзда, Іоаннъ *Рубанъ*.

Награжденъ набедренникомъ 16-го февраля священникъ Троицкой церкви с. Жоржовки, Зѣньковскаго уѣзда, Василій *Торскій* за усердную пастырскую службу.

Назначены: 16 февраля, заштатный священникъ Троицкой церкви села Николаевки, Кременчугскаго уѣзда, Димитрій *Дубина* къ Іоанно-Богословской церкви с. Кулябовки, Педеславскаго уѣзда, на священническое мѣсто; 21 февраля, явначей Лубенскаго Спасо-Преображенскаго монастыря *Шантелеимонъ* намѣстникомъ монастыря, на мѣсто іеромонаха *Іеронима*; 14 февраля, священникъ Покровской церкви города Кобелякъ, Евгений *Тимошевскій* благочиннымъ Кобе-

лякского градскаго благочинія, на время отсутствія протоіерея Николая *Пирскаго*; уѣздный наблюдатель церковно-приходскихъ школь и школь грамоты по Кобелякскому уѣзду священникъ Михаилъ *Романовскій* председателемъ Кобелякскаго отдѣленія епархіальнаго училищнаго совѣта, временно; священникъ соборной Крестовоздвиженской церкви города Кобелякъ, Василій *Слухаевскій* исполняющимъ обязанности настоятеля названнаго собора.

Опредѣлены и. д. псаломщика: 12 февраля, послушники Полтавскаго Крестовоздвиженскаго монастыря: Василій *Андреевъ* къ Воскресенской церкви м. Песчаного, Золотоношскаго уѣзда, на 2 мѣсто; Филиппъ *Данилевскій* къ Троицкой церкви с. Коврая, Золотоношскаго уѣзда, на 2 мѣсто; Кодратъ *Шередека* къ Р.-Богородичной церкви с. Ряшекъ, Прилукскаго уѣзда; 14 февраля, сынъ псаломщика Антоній *Билинскій* къ Георгіевской церкви с. Васильевки, Полтавскаго уѣзда, на 2 мѣсто, съ тѣмъ, чтобы черезъ 6 мѣсяцевъ выдержалъ экзамень на званіе псаломщика; сынъ псаломщика, уволенный изъ двухъклассной церковно-приходской школы, что на полѣ Полтавской битвы, Алексѣй *Тимофѣевъ* къ Цокровской церкви с. Берестовеньки, Константиноградскаго уѣзда, на 2 мѣсто, съ тѣмъ, чтобы чрезъ годъ выдержалъ экзамень на званіе псаломщика; сынъ казака, Давидъ *Глушакъ* къ крестовой церкви Полтавскаго архіерейскаго дома; 17 февраля, второй псаломщикъ Свято-Аркадіевской церкви с. Аркадіевки, Прилукскаго уѣзда, Іоакимъ *Максимовичъ* къ Михайловской церкви с. Савинецъ, Лубенскаго уѣзда.

Перемѣщены: священники: 14 февраля Соборно-Успенской церкви города Хорола Митрофанъ *Чернышевскій* къ Цокровской церкви села Великаго-Перевоза, Миргородскаго уѣзда; Михайловской церкви с. Лисковъ, Гадячскаго уѣзда, Симеонъ *Мартиновичъ* къ Р.-Богородичной церкви с. Саръ, того же уѣзда; 12 февраля *псаломщики*: Николаевской церкви с. Мацковецъ, Лубенскаго уѣзда, Іоаннъ *Ващинскій* къ Преображенской церкви с. Матвѣевки, Хорольскаго уѣзда; Николаевской церкви с. Синевки, Гадячскаго уѣзда, Іаковъ *Назарчукъ* къ Ильинской церкви с. Клищинецъ, Золотоношскаго уѣзда; Іоанно-Предтеченской церкви с. Хелешовъ, Лубенскаго уѣзда, Николай *Бельговскій* къ Андре-

евской церкви с. Калайдинецъ, того же уѣзда; церкви с. Калайдинецъ *Θеодосій Варакута* къ Иоанно-Богословской церкви с. Ревбинецъ, Золотоношскаго уѣзда, на 1 мѣсто; Георгіевской церкви с. Васильевки, Полтавскаго уѣзда, Стефанъ *Яновскій* къ Воскресенской церкви с. Степановки, Зѣньковскаго уѣзда, для пользы службы; Димитріевской церкви с. Бѣлуховки, Константиноградскаго уѣзда, Валеріанъ *Толпыгинъ* къ Покровской церкви с. Ольховатки, того же уѣзда; Р.-Богородичной церкви с. Броварки, Кременчугскаго уѣзда, *Θеодоръ Стасевскій* къ Р.-Богородичной церкви с. Ряшекъ, Прилукскаго уѣзда, на 1-е мѣсто.

Утверждены законоучителями мѣстныхъ народныхъ училищъ 11-го февраля *священники*: Иоанно-Богословской церкви с. Кривоносовки, Золотоношскаго уѣзда, *Іоаннъ Курдиновскій* Хрушевскаго народнаго училища; Успенской церкви с. Новаго-Орлика, Кобелякскаго уѣзда, Григорій *Семьяновскій* 2-го мѣстнаго народнаго училища; Успенской церкви м. Голтвы, того же уѣзда, Стефанъ *Клюсяченко* Глубоко-Долинскаго народнаго училища; 14 февраля, Успенской церкви с. Вечерокъ, Лубенскаго уѣзда, Валентинъ *Безпоясковъ*; Успенской церкви с. Еремѣвки, Золотоношскаго уѣзда, *Іоаннъ Волковъ* 2-го мѣстнаго училища; 20-го февраля, Троицкой церкви с. Драбовець, того же уѣзда, Георгій *Дручевскій*; *дьяконы*: Николаевской церкви м. Кишенки, Кобелякскаго уѣзда, Мелитонъ *Якубовскій* 2-го мѣстнаго народнаго училища, на мѣсто священника *Василія Трипольскаго*; 22 февраля, Преображенской церкви с. Никольскихъ хуторовъ, Полтавскаго уѣзда, Александръ *Коркушка* въ начальной школѣ при колоніи для малолѣтнихъ, находящихся въ хуторѣ Бугры, Николаевской волости; 11 февраля, учительница Бродицкаго народнаго училища, Кобелякскаго уѣзда, окончившая курсъ Полтавскаго епархіальнаго женскаго училища *Зиновія Лысенко* преподавательницею закона Божія, на мѣсто священника *Василія Сокологорскаго*; утверждены членами благочинническаго совѣта 15 февраля *священники*: Воскресенской церкви м. Груни, Зѣньковскаго уѣзда, *Захарія Штепенко*, Покровской церкви того же мѣстечка протоіерей *Θеодоръ Цавловскій*, *священники*: Николаевской того же мѣстечка, Андрей *Куликъ*; Михайловской села Шенгорѣвки, Константинъ *Сидковскій* и кандидатомъ по нимъ Троицкой м. Куземина

Оедоръ *Кобищановъ*, по вѣдомству благочиннаго священника Григорія *Каленецкаго*; *утверждены преподавательницами закона Божія* мѣстныхъ народныхъ училищъ, подъ вѣдѣніемъ мѣстныхъ священниковъ, окончившія курсъ Полтавскаго епархіальнаго женскаго училища учительницы: Курилеховскаго, Полтавскаго уѣзда, — Параскева *Сагарда*; Надеждинскаго — Неонилла *Коробка*; Ново-Михайловскаго — Лидія *Самойловичъ*, Константиноградскаго — Раиса *Мишта*; Ступачевскаго — Марія *Тихоновичъ*.

Уволены за штатъ согласно прошенію 16 февраля: священникъ Р.-Богородичной церкви села Сарь, Гадячскаго уѣзда, Іосифъ *Мартиновичъ*; псаломщики: Введенской церкви с. Свѣтличнаго, Лохвицкаго уѣзда, Викторъ *Кононенко*, съ предоставленіемъ ему права просить себѣ пенсіи по сокращенному сроку; Покровской церкви с. Берестовеньки, Константиноградскаго уѣзда, Іоаннъ *Тимофѣевъ*.

Уволенъ отъ занимаемаго мѣста согласно прошенію 15 февраля псаломщикъ Покровской церкви с. Ольховатки, Константиноградскаго уѣзда, Гавріиль *Данько*.

Умершіе исключаются изъ списковъ: 27 января священникъ заштатный Преображенской церкви с. Шарковщины, Миргородскаго уѣзда, Петръ *Вѣликъ*; 31 января, священникъ заштатный Михайловской церкви м. Круполья, Переяславскаго уѣзда, Іоаннъ *Григоровичъ*; 7 февраля заштатный священникъ Троицкой церкви с. Левченокъ, Роменскаго уѣзда, Николай *Петровскій*; 30 января псаломщикъ заштатный Успенской церкви с. Духовой, Лубенскаго уѣзда, Іоакимъ *Леонтовичъ*.

Отъ Полтавскаго Церковнаго Историко-археологическаго Комитета.

Существующая въ предѣлахъ Полтавской епархіи въ гор. Ромнахъ Покровская деревянная церковь, устроенная въ 1760-хъ годахъ иждивеніемъ послѣдняго кошевого атамана войска Сѣчи Запорожской, Петра Кальнишевскаго, по своей архитектурѣ и по выдающемуся своею художественностью иконостасу представляетъ собою замѣчательный историко-археологическій памятникъ мѣстнаго края, обращающій на

себя особенное вниманіе археологовъ и ученыхъ археологическихъ обществъ. Между тѣмъ, за постройкою въ Роменскомъ Покровскомъ приходѣ новаго каменнаго храма, указанная старая церковь предназначается къ сломкѣ и продажѣ, а иконостасу грозитъ уничтоженіе.

Открывшійся въ Полтавѣ осенью прошлаго 1906 года Церковный Историко-археологическій Комитетъ, озабоченный сохраненіемъ въ цѣлости означеннаго памятника мѣстной старины, рѣшилъ приложить всѣ усилія къ тому, чтобы древнюю Покровскую церковь вмѣстѣ съ ея иконостасомъ приобрѣсть покупкою у Роменскаго Покровскаго прихода, перенести ее въ Полтаву и здѣсь поставить въ томъ видѣ, какъ она устроена была въ Ромнахъ, и такимъ образомъ сохранить драгоценный памятникъ древности отъ разрушенія и уничтоженія, и вмѣстѣ съ тѣмъ открыть его для молящихся чрезъ совершеніе въ немъ богослуженія.

Комитетъ, недавно еще только начавшій свою дѣятельность и не обладающій денежными средствами для достиженія намѣченной цѣли, обращается къ монастырямъ, церквамъ, духовенству и благотворителямъ Полтавской епархіи съ усерднѣйшей просьбою откликнуться посильными денежными пожертвованіями на призывъ Комитета и такимъ образомъ принять участіе въ дѣлѣ перенесенія въ Полтаву Роменской Покровской церкви, которая будетъ здѣсь вмѣстѣ и служить удовлетворенію религіозныхъ нуждъ Полтавскаго населенія, и являться цѣннымъ историко-археологическимъ памятникомъ. Пожертвованія могутъ быть направляемы на имя Предсѣдателя Совѣта Комитета.

Предсѣдатель Совѣта Комитета

Іоаннъ Епископъ Полтавскій и Переяславскій.

Членъ-дѣлопроизводитель *Владиміръ Пархоменно.*

Голодъ въ Симбирской губерніи.

Отъ исполнительной комиссіи симбирскаго мѣстнаго управленія по оказанію помощи пострадавшимъ отъ неурожая.

Въ числѣ губерній, пострадавшихъ отъ неурожая, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ и Симбирская губернія. Въ однихъ уѣздахъ два года сплошь неурожай, въ другихъ сильный недородъ, потомъ почти полный неурожай довели крестьянское населеніе до крайняго разоренія. Сотни ходатайствъ о продовольственной помощи, поступающихъ въ исполнительную комиссію при симбирскомъ мѣстномъ управленіи, ярко рисуютъ крайнюю нужду деревни. Вслѣдствіе неурожая травъ, домашній скотъ во многихъ мѣстахъ продается за безцѣнокъ, оставшійся — голодаетъ.

Въ настоящее время въ Симбирской губерніи не наблюдается повальныхъ эпидемическихъ болѣзней на почвѣ голода, но зато есть грозные признаки, указывающіе на то, что Симбирская губернія наканунѣ развитія ихъ. Это рѣзкій упадокъ питанія деревенскаго населенія губерніи.

Недостатокъ питанія особенно ярко замѣтенъ на дѣтяхъ, для которыхъ требуется наиболѣе широкая организація пищевой помощи въ видѣ столовыхъ.

Положеніе голодающаго населенія вообще ужасно, но съ наступленіемъ зимы въ нѣкоторыхъ степныхъ мѣстностяхъ, напримѣръ, въ Курмышскомъ уѣздѣ, къ голоду еще присоединился полный недостатокъ топлива. Соломы, которая въ урожайные годы замѣняла дрова, въ текущемъ году нѣтъ. Жители на топливо стали употреблять свои дворовыя постройки, которыхъ не хватитъ на зиму.

Помощь Краснаго Креста едва ли будетъ достаточна для поддержанія уже открытыхъ и открываемыхъ въ настоящее время столовыхъ для дѣтей школьнаго возраста и, если Главное Управленіе не увеличитъ средствъ, то неминуемое закрытіе столовыхъ, по непонятной для народа причинѣ, лишившей его помощи, можетъ крайне неблагоприятно отразиться на голодающемъ населеніи.

Правительственная ссуда (до 40 фун ржи въ мѣсяцъ) была-бы большимъ пособіемъ для голодающаго населенія, но, къ сожалѣнію, она, вслѣдствіе задержки правительственнаго хлѣба на узловыхъ пунктахъ желѣзныхъ дорогъ, запаздываетъ доставкой въ мѣста расположенія продовольственныхъ пунктовъ.

Надвигающійся голодъ со всѣми его ужасами заставляетъ исполнительную комиссію симбирскаго мѣстнаго управленія обратиться съ воззваніемъ ко всѣмъ, имѣющимъ возможность чѣмъ-либо помочь голодающимъ. „Что же я могу сдѣлать,— говоритъ перѣдко обыватель; голодающихъ такая масса, къ чему послужить моя копѣйка“. „Неурожай отъ Бога, а голодъ отъ людей“, говоритъ мудрая народная поговорка. И дѣйствительно, не было-бы голода, если-бы всѣ болѣе, или менѣе обеспеченные люди жертвовали на голодающихъ, хотя-бы копѣйки. Опытъ показалъ, что прокормить голодающаго бѣдняка въ день стоитъ не болѣе 5 коп. Допустимъ, что только $\frac{1}{3}$ жителей Россійской Имперіи жертвуетъ на голодающихъ по 5 коп. въ мѣсяцъ, получается 2,250,000 р. а по 10 коп.—вдвое больше. Общія суммы настолько почтенныя, что могутъ поддержать сотни тысячъ жизней. Жертвуйте, господа, пятакки, гривенники, а кто не можетъ и меньше, но жертвуйте каждый мѣсяцъ. Вы этимъ спасете жизнь и здоровье сотни тысячъ несчастныхъ.

Исполнительная комиссія обращается къ духовенству всѣхъ вѣрнсповѣданій. Вы, носители идеаловъ челоуѣколюбія, зажгите сердца вашей паствы любовью къ голодающимъ и подвигните ихъ къ пожертвованіямъ въ пользу этихъ несчастныхъ.

Исполнительная комиссія обращается ко всѣмъ матерямъ и тѣмъ, которыя теперь кормятъ грудью своихъ малютокъ, съ просьбой вспомнить о голодныхъ матеряхъ съ ихъ грудными младенцами, которыхъ такъ много въ голодающихъ губерніяхъ. Изможденные, съ провалившимися щеками, бѣдныя матери прикладываютъ къ своимъ высохшимъ грудямъ маленькіе, обтянутые кожей, скелетики, издающіе слабый, за душу хватающіе страдальческіе стоны. Малютки ищутъ грудь и находятъ только складку кожи, изъ которой нельзя выжать ни одной капли молока. Матери! Вамъ всего

понятнѣе тѣ ужасныя страданія, которыя испытываетъ несчастная мать, будучи не въ состояніи накормить грудью свое дитя и которой приходится видѣть, какъ ея дѣтище умираетъ медленной смертію. Организуйте кружки, собирайте больше пожертвованій и пересылайте ихъ въ голодающія губерніи: за это васъ будутъ благословлять не одни голодающіе, но и вся Россія. Не забывайте также и то, что во время голодовокъ первыми жертвами цынги бывають матери, кормяшія грудью. Подобныя ужасы мы видѣли во время прежнихъ голодовокъ. Неужели и въ текущемъ году повторится нѣчто подобное!.

Комиссія съ просьбою обращается также и къ дѣтямъ. Вспомните о вашихъ сверстникахъ-подросткахъ, которые могутъ умирать съ голоду, они вѣдь тоже хотять жить и имѣютъ право на жизнь; помогите имъ пережить голодовку. Жертвуйте ваши пяточки, и, если пяточковъ будетъ много, вы спасете жизнь десяткамъ, сотнямъ и, можетъ быть, тысячамъ этихъ несчастныхъ.

Въ заключеніе комиссія считаетъ нужнымъ познакомить публику съ организаціей, которая принята въ Симбирской губерніи для борьбы съ голодомъ. Красный Крестъ по всей губерніи объединился съ земствомъ для совмѣстной работы съ нимъ. Въ составъ исполнительнѣйшей комиссіи мѣстнаго управленія и въ составъ мѣстныхъ комитетовъ входятъ какъ представители Краснаго Креста, такъ и земскіе дѣятели. Для распредѣленія средствъ, имѣвшихся и имѣющихъ быть въ распоряженіи исполнительнѣйшей комиссіи, послѣдней было созвано соединенное засѣданіе изъ представителей Краснаго Креста и предсѣдателей уѣздныхъ управъ, которое постановило 80% всѣхъ суммъ дѣлить по уѣздамъ пропорціонально населенію, 20% оставлять въ распоряженіи исполнительнѣйшей комиссіи на экстренныя нужды уѣздовъ и города Симбирска. Близость земства къ народу и образованіе сельскихъ попечительствъ служатъ обезпеченіемъ тому, что пищевая помощь достигнетъ народа и будетъ оказана дѣйствительно нуждающимся.

Пожертвованія просятъ адресовать: Симбирскъ, община сестеръ Краснаго Креста, исполнительнѣйшей комиссіи мѣстнаго управленія, или казначею мѣстнаго управленія А. А. Сачковъ.

Предсѣдатель исполнительнѣйшей комиссіи почетный членъ мѣстнаго управленія докторъ *И. Благовидовъ*; члены: дирек-

Торъ училищъ *И. Ишерскій*, симбирскій уѣздный предводитель дворянства *М. Зиминскій*, симбирскій городской голова *М. Волковъ*, предсѣдатель симбирской уѣздной управы *А. Афанасьевъ*, земскій врачъ симбирскаго уѣзда *П. Петровъ*.

На отношеніи исполнительнѣйшей комиссіи при Симбирскомъ мѣстномъ Управленіи Краснаго Креста по оказанію помощи пострадавшимъ отъ неурожая отъ 19 февраля 1907 года за № 52, резолюція Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Іоанна, Епископа Полтавскаго и Переяславскаго, послѣдовала таковая: „Въ Консисторію на распоряженіе по удовлетворенію просьбы о напечатаніи прилагаемаго воззванія въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ съ приглашеніемъ къ пожертвованіямъ въ пользу страждущихъ“.

III.

Извѣстія и объявленія.

О присоединеніи къ православію.

Присоединена къ православію изъ раскола—старообрядцевъ 21 января дочь мѣщанина г. Бѣльдъ Ясинскаго уѣзда, Бессарабской области, села Грубны дѣвица *Наталія Васильева Игнатъева*, 23 лѣтъ, священникомъ Троицкой церкви м. Ягодина, Пирятинскаго уѣзда, Григоріемъ Чичибабинымъ, съ оставленіемъ прежняго имени, при свидѣтеляхъ: крестьянинѣ Михаилѣ Максимовѣ *Самопятъ* и козакѣ Іліѣ Гавриловѣ *Разумъ*.

О сборныхъ книгахъ.

Полтавскою Духовною Консисторіею выданы сборныя книги для сбора пожертвованій въ предѣлахъ Полтавской епархіи срокомъ на одинъ годъ:

а) 1907 года февраля 17 дня выдана сборная книга за № 3397, на имя монахини Дороеи въ пользу Красногорскаго Иоанно-Богословскаго женскаго монастыря, Золотоношскаго уѣзда.

б) 1906 года февраля 27 дня выдана сборная книга за № 4384, на имя монахини Нины въ пользу Ладинскаго Покровскаго женскаго монастыря, Прилукскаго уѣзда.

Въ Полтавскомъ Епархіальномъ Складѣ

Св.-Макаріевскаго Братства

Мало-Петровская улица, новый Городской домъ

ИМѢЕТСЯ въ продажѣ въ большомъ выборѣ, хорошей изящной работы, разныхъ фабрикъ церковная утварь.

ПЛАЩАНИЦЫ большія и малыя, паникадила позолоченыя и посеребренныя, панихидныя и всенощныя блюда, кресты и иконы запрестольн. металлическіе, хоругви металлическія и суконныя.

ПАРЧА для облаченій и готовыя облаченія, священническіе кресты, бархатъ для камилавокъ и **КНИГИ** Богослужебныя, творенія Святыхъ о.о.

ПРИНИМАЮТСЯ ЗАКАЗЫ

и старыя, мѣдныя, церковныя вещи въ уплату.

ЖЕРТВУЙТЕ НА ГОЛОДАЮЩИХЪ!

Красный Крестъ съ самаго начала продовольственной кампаніи принялъ широкое участіе въ борьбѣ съ голодомъ въ неурожайныхъ губерніяхъ и, независимо отъ поступающихъ въ его кассы пожертвованій, ассигновалъ уже около 3.000.000 рублей изъ своихъ средствъ, причемъ 2.000.000 рублей взяты изъ запаснаго капитала на нужды военнаго времени. Дальнѣйшее отчисленіе изъ этого капитала, на проценты котораго содержатся многочисленныя благотворительныя учрежденія Краснаго Креста: больницы, амбулаторіи, общины сестеръ милосердія и т. п., поставило бы эти учрежденія въ самое затруднительное положеніе.

Между тѣмъ, содержаніе большого числа открытыхъ уже столовыхъ Краснаго Креста въ неурожайныхъ губерніяхъ обезпечено лишь на ближайшее время. Если не явятся обильныя пожертвованія, то дѣятельность Краснаго Креста неизбежно должна будетъ сократиться, а это **оставитъ безъ пищи тысячи дѣтей, стариковъ и женщинъ**, получающихъ въ столовыхъ Краснаго Креста свое дневное пропитаніе.

Во имя любви къ ближнему, состраданія къ бѣднымъ дѣтямъ и къ ихъ несчастнымъ матерямъ, **жертвуйте, кто сколько можетъ**, на поддержаніе этихъ учреждений, жертвуйте, хотя бы копѣйки, потому что **4—5 коп. стоитъ прокормъ въ день одного человѣка въ столовыхъ Краснаго Креста.**

Кассы Краснаго Креста открыты постоянно.

Кружки Краснаго Креста имѣются повсюду.

Сытые и счастливые, не забывайте голодныхъ и обездоленныхъ.

ПРИНИМАЮТСЯ ЗАКАЗЫ

СОДЕРЖАНІЕ:—I. Архіерейскія служенія.—II. Распоряженія Епархіальнаго Начальства.—III. Извѣстія и объявленія.

Редакторъ официальной части, протоіерей **Н. Ураловъ**

Печ. съ разр. мѣстн. духовн. цензуры, 10 Марта 1907 г.

Полтава, Типо-Литогр. Т. Д. «Л. Фрашбергъ»

10 Марта.

№ 8.

1907 года.

ПОЛТАВСКІЯ Епархіальныя Вѣдомости.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

Отношеніе пастыря православной церкви къ общественно-экономическимъ вопросамъ.

Вопросы общественно-экономическіе въ настоящее время обострились до крайности. Идеаль земного рая властно господствуетъ надъ умами людей всѣхъ цивилизованныхъ странъ; лучшій строй общества и экономическихъ отношеній—вотъ та задача, надъ рѣшеніемъ которой и теоретически, и практически трудятся теперь тысячи людей самаго разнообразнаго положенія. Пока, однако, удовлетворительное рѣшеніе этой задачи далеко еще не достигнуто не только на практикѣ, но и въ теоріи: одни ученые экономисты видятъ средство поднять общее благополучіе въ одномъ, другіе въ иномъ, часто совершенно противоположномъ.

Общее теченіе мало-по-малу захватываетъ и наше отечество, хотя и проявляется здѣсь, въ силу особыхъ условій русской жизни, далеко не въ такихъ рѣзкихъ формахъ, какъ на Западѣ. Въ періодической печати экономическіе вопросы трактуются съ особеннымъ интересомъ: раскройте любой журналъ, любую газету,—вездѣ вы найдете и цѣлыя статьи, и небольшія замѣтки на злободневныя темы—объ оскудѣніи центра, о мелкой земской единицѣ, о всесловной волости, о фабричномъ законодательствѣ и пр.

Само собою разумѣется, что, живя въ мірѣ и въ постоянномъ общеніи съ людьми, священникъ постоянно сталки-

вается съ подобными вопросами, не только въ городѣ, но и въ деревнѣ. Приходитъ онъ, на примѣръ, къ своему прихожанину-помѣщику; хозяинъ начинаетъ съ нимъ разговоръ о земствѣ, волостномъ судѣ, передаетъ ему слухи о разныхъ проектируемыхъ преобразованіяхъ въ губернскомъ и уѣздномъ управленіи и интересуется его мнѣніемъ. Заходитъ священникъ къ крестьянину,—тамъ тоже нерѣдко къ тому обращаются съ разговорами о земельной нуждѣ, о рудностяхъ заводской жизни и т. д.

Какъ поступать священнику въ подобныхъ случаяхъ?

Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, скажемъ нѣсколько словъ о томъ, что сдѣлано въ этой области на западѣ, у протестантовъ и католиковъ. Первые, смотря на Церковь, какъ общество вѣрующихъ, имѣющихъ чисто духовныя задачи, полагаютъ, что Церкви и духовенству нѣтъ ни нужды, ни прямого повода заниматься социально-экономическими вопросами, рѣшеніе которыхъ естественнѣе всего предоставить свѣтской власти. Но, разумѣется, на практикѣ протестантизму трудно, даже невозможно удержаться на почвѣ полнѣйшаго равнодушія къ общественной и экономической жизни, особенно, если принять во вниманіе, какъ оживленно течетъ эта жизнь на Западѣ. Поэтому при официалномъ, такъ сказать, равнодушіи служителей протестантской церкви къ дѣлу улучшенія экономическаго быта, въ Германіи—этой родинѣ и оплотѣ протестантизма—въ послѣднее время явилось много пасторовъ, которые принимаютъ самое непосредственное участіе въ общественной дѣятельности. Они основываютъ „христіанскія ассоціаціи“ рабочихъ, устраиваютъ „евангелически-соціальныя конгрессы“, пишутъ цѣлыя экономическія трактаты, участвуютъ въ выборахъ должностныхъ лицъ и депутатовъ въ народное собраніе, часто даже сами являются въ роли депутатовъ и сторонниковъ той или другой политической партіи. Разумѣется, этотъ путь ведетъ къ полному отказу пасторовъ отъ ихъ прямыхъ пастырскихъ обязанностей. Изъ скромныхъ служителей алтаря они становятся ревностными политиками, часто доходящими даже до крайностей—до увлеченій социализмомъ и революціонными идеями.

Католическая церковь поступаетъ иначе, чѣмъ протестантская. Латинское духовенство считаетъ своею главною

обязанностью во всѣхъ случаяхъ возможно широко слѣдовать примѣру Апостола, сказавшаго о себѣ: „всѣмъ быхъ вся, да всяко нѣкія спасу“. Отсюда проистекаетъ тотъ путь *пастырскаго примѣненія*, который постоянно характеризуетъ дѣятельность католическаго духовенства. Католическая церковь внимательно присматривается ко всѣмъ господствующимъ идеямъ времени и старается согласовать съ ними христіанское ученіе, чтобы этимъ привлечь въ лоно Церкви современное общество. Теперь самый важный вопросъ — социальный, и поэтому католичество все свое вниманіе обратило именно на этотъ вопросъ. На конгрессѣ въ Лютихѣ іезуиты рѣшеніе социального вопроса объявили прямо задачею Церкви, а не государства. Они хотятъ вмѣсто обыкновеннаго социализма ввести, такъ сказать, социализмъ теократическій, надѣясь черезъ это доставить полную побѣду Церкви надъ міромъ. Нынѣшній папа Пій X, слѣдуя политикѣ своего предшественника, Льва XIII, издалъ даже въ прошедшемъ декабрѣ прямой манифестъ по рабочему вопросу. Манифестъ этотъ обязываетъ хозяевъ оказывать рабочимъ полную справедливость, но при этомъ вся „христіанская демократія“ поставляется въ полную зависимость отъ церковнаго авторитета. Не только, напр., авторы книгъ по вопросамъ социально-моральнымъ, но и авторы книгъ съ характеромъ чисто техническимъ должны сначала, прежде чѣмъ выпустить свое сочиненіе, получить разрѣшеніе отъ церковной власти.

Люди различныхъ направленій нерѣдко указываютъ православному пастырю то на протестантскаго пастора, то на католическаго патера, какъ на образцы, заслуживающіе подражанія. Въ литературныхъ произведеніяхъ излюбленнымъ типомъ „добраго пастыря“ является такой священникъ, который главною задачею своей дѣятельности составляетъ школьное просвѣщеніе прихожанъ, устройство яслей, богадѣлень, различныхъ общественныхъ организацій взаимопомощи и т. п., а на собственно пастырское душепопеченіе обращаетъ вниманіе лишь настолько, насколько это требуется по должности. Таковъ, на примѣръ, Кириллъ Обновленскій въ повѣсти Цотапенко „На дѣйствительной службѣ“; таковы „идеальные“ священники въ повѣстяхъ Гусева-Оренбургскаго, Елпатьевскаго и др. старыхъ и новыхъ писателей — беллетристовъ. Всѣ подобные священники въ большей или меньшей степени напоминаютъ тѣхъ про-

тестантскихъ пасторовъ—общественныхъ дѣятелей, о которыхъ мы говорили выше. Только костюмъ и отличаетъ ихъ въ обыденной жизни отъ всѣхъ другихъ лицъ, въ той или иной сферѣ работающихъ на поприщѣ общественной дѣятельности. Ни въ дѣйствіяхъ ихъ, ни въ рѣчахъ не обнаруживается ничего характерно-пастырскаго, ничего такого, что соотвѣтствуетъ евангельскому идеалу добраго пастыря. Они иногда весьма краснорѣчиво и художественно учатъ добру, но мораль ихъ оторвана отъ своего живого источника—христіанскаго вѣроученія, и потому вызываетъ въ слушателяхъ впечатлѣніе только красивыхъ образовъ и громкихъ фразъ, а не „живого и дѣйственаго слова“, проникающаго въ глубочайшіе тайники души.

Другіе судьи православнаго духовенства, часто въ противоположность первымъ искренно вѣрующіе, желаютъ, чтобы наше духовенство въ своихъ отношеніяхъ къ общественной жизни походило на духовенство католическое. „Посмотрите,—говорятъ эти судьи,—какъ умѣло католическіе священники руководятъ не только своими приходами, но даже и политическими партіями, искусно направляя самыя разнообразныя теченія общественной жизни въ пользу Церкви. А у насъ даже въ сельскіе приходы проникаетъ дѣленіе на духовную и свѣтскую жизнь, причемъ область свѣтской жизни все расширяется въ ущербъ духовной“.

Какой же путь долженъ избрать православный пастырь, желающій выяснитъ свое отношеніе къ вопросамъ общественной жизни? Тотъ путь, который соотвѣтствуетъ духу Православной Церкви и который уже намѣченъ дѣятельностью лучшихъ пастырей православныхъ. Въ противоположность католической церкви, увлекающейся земнымъ владычествомъ, Православная Церковь всегда преслѣдовала одну цѣль—проповѣданіе Евангелія, т. е. ученія о совершенномъ Христомъ Спасителемъ искупленіи и ожидающей насъ вѣчной жизни, и воспитаніе вѣрующихъ. Христіанство потеряло бы свой высокій религіозный характеръ, если бы позабыло объ этой своей важнѣйшей задачѣ и въ интересахъ достиженія популярности задумало превратить себя въ социальный манифестъ. Врачуя человѣческую душу, уничтожая корень всѣхъ человѣческихъ золъ—эгоизмъ, Церковь тѣмъ самымъ ведетъ людей и къ полному земному благополучію, которое тогда и можетъ быть, когда испол-

нятся слова молитвы Господней: „Да будетъ воля Твоя и на земли, яко на небеси“. Сообразно съ этимъ и православное духовенство считаетъ главною своею обязанностью — спасеніе душъ своихъ пасомыхъ, а заботу о внѣшнемъ благополучіи паствы издавна оно привыкло считать дѣломъ поставленной отъ Бога государственной власти. Въ нашемъ отечествѣ это тѣмъ легче для пастырей, что верховные правители русскаго народа всегда были и есть истинные слуги Христовы, ищущіе не своей славы, а блага народа и Церкви Божіей. Свойствами лучшихъ православныхъ пастырей являются четыре начала: 1) знаніе Божественнаго ученія и установленій церковныхъ не въ сухо догматическомъ изложеніи, но со стороны духовнаго врачевства, въ нихъ содержащагося, 2) знаніе челоѵка въ его борьбѣ между добромъ и зломъ, 3) способность къ сострадательной любви и 4) знаніе челоѵческихъ заблужденій общественныхъ и ложнонаучныхъ, т. е. знаніе жизни и науки, опять же не со стороны фактической только, но именно со стороны ихъ заманчивости для собственныхъ характерсвъ, а равно ихъ вліянія на нравственную жизни челоѵка. Эти свойства, въ особенности же второе и четвертое, служатъ основаніемъ для благодатной способности пастырскаго „усвоенія“ себѣ душъ своихъ чады духовныхъ, „усвоенія“, въ которомъ и заключается сущность православнаго пастырскаго примѣненія, чуждаго всякаго іезуитизма и лжи. „Въ силу этого благодатнаго усвоенія, каждая душа, болящая грѣхами, или уныніемъ, или невѣріемъ, чувствуетъ, что она не чужая для пастыря, что духъ его съ любовью и состраданіемъ объемлетъ ее и какъ бы сообщаетъ ей свою собственную жизнь, свои собственные силы, даже не собственные личныя, а нѣкоторыя высшія, ему присущія, и уже не словами, а непосредственно передаваемыми ощущеніями говорить: „молю васъ, подобни мнѣ бывайте, якоже азъ Христу“ (1 Кор. 4, 16). Ощущенія эти подобны тѣмъ, которыя испытываетъ совсѣмъ изнемогавшій путникъ, когда встрѣтившій его бодрый силачъ возьметъ его подъ руки и дружески начнетъ побуждать къ окончанію пути, указывая на виднѣющееся вдали теплое пристанище“ (соч. Еп. Антонія, т. II, стр. 272-я). Развѣ можетъ сравняться по силѣ и благотворности вліянія на окружающихъ съ такимъ православнымъ пастыремъ какой-либо протестантскій пасторъ,

весь погруженный въ партійную борьбу за вліяніе на общественный строй, или католическій патеръ, старающійся угодить толпѣ низведеніемъ христіанства въ рядъ съ господствующими соціальными ученіями?

Изъ сказаннаго не слѣдуетъ, однако, что православный пастырь долженъ оставаться совершенно въ сторонѣ отъ общественной жизни и совершающихся въ ней движеній. Если грѣхъ есть корень всякихъ бѣдствій человѣческой жизни, то и бѣдствія—бѣдность и невѣжество въ свою очередь часто порождаютъ грѣхъ. Поэтому Церкви, въ лицѣ ея пастырѣй, приходится бороться и съ этими послѣдними явленіями жизни, не въ роли, конечно, общественныхъ реформаторовъ, но въ положеніи членовъ и руководителей различныхъ благотворительныхъ обществъ, имѣющихъ своею задачею борьбу съ тою или другою общественною нуждою. Мы видимъ, что теперь во главѣ нѣкоторыхъ изъ такихъ обществъ, имѣющихъ цѣлью своею облегченіе народной нужды и воспитаніе брошенныхъ на произволь судьбы дѣтей, становятся лица, занимающія въ Церкви высшее іерархическое положеніе. Далѣе, нельзя не признать справедливымъ того сужденія извѣстнаго нашего философа-богослова В. Соловьева, что „улучшать человѣчество однимъ частнымъ личнымъ дѣйствіемъ, т. е. прямымъ дѣйствіемъ на отдѣльныя лица, такъ же невозможно, какъ невозможно исцѣлить больной организмъ, дѣйствуя на каждую его клѣточку или волокно въ отдѣльности; больной много разъ успѣетъ умереть прежде, чѣмъ такое лѣченіе сколько-нибудь подвинется впередъ. Точно также человѣчество много разъ успѣло бы погибнуть, прежде чѣмъ каждый человѣкъ достигъ бы нравственнаго совершенства. Чтобы возродить все человѣчество, христіанство должно проникнуть не только его личныя, но и общественныя стихіи, т. е. государство и его заботы“. Поэтому Православная Церковь благословляетъ всякія правительственныя мѣропріятія, направляемыя къ улучшенію общественнаго и экономическаго положенія трудящихся классовъ. Настоящее время, какъ мы уже отмѣтили выше, особенно изобилуетъ такими мѣропріятіями, и священникъ такъ или иначе долженъ быть освѣдомленъ о нихъ, чтобы быть въ состояніи отвѣчать на запросы своихъ прихожанъ и, все искушая, направлять ихъ мысли и желанія на вѣрный путь. Во многихъ случаяхъ такая освѣ-

домленность принесетъ не малую пользу его собственно пастырскому дѣлу. „Все понять—значить все прощать“, говоритъ французская пословица. Къ пастырю являются за духовнымъ утѣшеніемъ люди самаго различнаго общественнаго положенія и образа жизни. Даже для опытнаго пастыря многіе изъ пороковъ и слабостей этихъ людей останутся малопонятны, если онъ не будетъ хорошо освѣдомленъ относительно условій ихъ жизни. Сколько, на примѣръ, говорится и пишется поученій о вредѣ пьянства въ деревняхъ, и какъ однако немного изъ этихъ поученій такихъ, которыя вскрываютъ дѣйствительно жизненные причины этого печальнаго явленія и проникнуты подлиннымъ пастырскимъ *снисхожденіемъ* въ отношеніи къ *невѣжественнымъ, заблуждающимъ* (Евр. 5, 2). „Если пастырь будетъ хорошо освѣдомленъ относительно жизни рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ, если онъ вникнетъ въ тѣ условія, въ какихъ живутъ рабочіе, то его перестанетъ возмущать та порочная атмосфера, съ какою ему придется войти въ соприкосновеніе на исповѣди, и онъ съ сожалѣніемъ будетъ относиться къ несчастнымъ жертвамъ порока и съ энергіей станетъ ходатайствовать предъ хозяевами и работодателями объ улучшеніи условій жизни рабочихъ. А это печалованіе за всѣхъ обиженныхъ и обездоленныхъ наша русская Церковь искони считала своимъ правомъ и обязанностью“ *).

Но, конечно,—повторимъ еще разъ,—это посильное участіе духовенства въ общественной жизни не должно быть для пастыря дѣломъ первой важности и не должно устранять собою, или отодвигать на второй планъ самую существенную и важную цѣль его служенія, которая состоитъ въ томъ, чтобы усовершенствовать христіанъ въ нравственномъ отношеніи, помогать имъ облечься въ новаго челоуѣка, созданнаго по Богу, въ праведности и святости истины, (Еф. 4, 24), и направлять ихъ умы и сердца въ *горняя, гдѣ Христосъ сидитъ одесную Бога* (Кол. 3, 1). (Орлов. Еп. Вѣд.).

*) Православно Рус. Слово. № 8, 685—686.

Наблюдения надъ дѣтьми въ школѣ.

(Продолженіе).

Особенной отсталостью и малоуспѣшностью страдаютъ дѣти, типъ которыхъ я называю блѣднокровнымъ. Отличаются они блѣдностью и какъ-бы припухлостью лица, слабостью мускуловъ, флегматичностью и вялостью отправленій. Развиваются и учатся они очень туго, и бываютъ изъ нихъ такіе экземпляры, которые не пойдутъ далѣе первоначальной грамоты, сколько бы лѣтъ ни учились. Призналъ и назвалъ я ихъ блѣднокровными лѣтъ 20 назадъ по слѣдующему случаю. Въ училищѣ с. И—и былъ въ младшей группѣ ученикъ описаннаго типа. Однажды на скамьѣ противъ него я увидѣлъ какую-то алую жидкость съ водянистымъ отстоемъ и узналъ, что это кровь изъ уколотаго пальца этого субъекта, но она не имѣла обыкновеннаго вида крови. И я объяснилъ себѣ, что такой жидкій составъ крови не можетъ обладать энергіей, не можетъ давать и мозгу ни достаточнаго питанія, ни энергіи, оттого и мыслительный аппаратъ работаетъ плохо, оттого и блѣдность, и вялость, и отсутствіе упругости мускуловъ. Бывало, возьмешь его за локтевую часть руки, а она мягкая, какъ тѣсто, и словно мускулы отстали отъ кости. Съ тѣхъ поръ, сколько мнѣ ни встрѣчалось дѣтей этого типа, всѣ они одинаковы и по наружности, и по успѣхамъ.

Какъ могутъ портить внутренно дѣтей окружающіе съ первыхъ дней жизни дитяти, я видѣлъ въ числѣ прочихъ такой примѣръ. Въ моемъ приходѣ, у крестьянина Павла С. была большая семья, и каждый годъ регулярно она увеличивалась рожденіемъ новаго члена. Двое изъ дѣтей этой семьи учились въ школѣ и были рѣзкаго характера. Случилось, что въ этой семьѣ родился мальчикъ—калъка. Помню, при крещеніи онъ былъ названъ Александромъ. Когда онъ сталъ подростать и время было ему стоять и ходить, ему это трудно было: ступни ногъ у него были вогнуты внутрь, повернуты пальцами одна къ другой, а пятками врозь, оттого онъ и не имѣлъ никакой устойчивости. Ступить, бывало, нѣсколько шаговъ и, потерявъ равновѣсіе, падаетъ. Домъ ихъ былъ близъ моей

квартиры, и я, видя способъ его хожденія, задумался надъ ребенкомъ: не тяготится ли имъ семья, не обижаютъ ли его, пользуясь его беззащитностью, не выражаютъ ли предъ нимъ желанія избавиться отъ него? Что, если это такъ? Вѣдь его съ младенчества могутъ сдѣлать угрюмымъ, озлобить, испортить на всю жизнь, во вредъ себѣ и обществу. Чтобы провѣрить это, чтобы предупредить семью отъ такой тактики, я неожиданно зашелъ къ нимъ въ такую пору, когда вся семья была въ сборѣ. Каковъ же былъ мой ужасъ, когда я увидѣлъ, что совершилось уже то, чего я боялся, и глаза малолѣтняго ребенка уже сверкали зловѣщими искрами гнѣва и озлобленности. Хотя и было уже отчасти поздно, но я сдѣлалъ родителямъ должное предупрежденіе на будущее время. Затѣмъ семья эта вышла изъ сферы моихъ наблюденій, такъ какъ тѣсныя условія жизни заставили ее переселиться въ Томскую губернію. Что-то выйдетъ изъ него?

Посмотримъ же на жизнь и другихъ дѣтей въ приходѣ. Много-ли отраднѣе живется имъ? Мало-ли есть многосемейныхъ бѣдняковъ, тяготящихся дѣтьми? Что выносятъ отъ нихъ невинныя дѣти за то только, что они существуютъ? Диво-ли, что эти дѣти являются въ школу нерѣдко забитыми, притупленными, умственно изуродованными? Диво-ли, что при пріемѣ учениковъ типъ открытой, жизнерадостной души встрѣчается между ними весьма рѣдко? Не большинство-ли пороковъ въ отдѣльныхъ личностяхъ является плодомъ воздѣйствія или заразы со стороны лицъ, окружавшихъ въ ранніе годы жизни?

Вѣдь каждый изъ насъ могъ замѣчать за собою, какъ иногда въ душѣ возникаетъ какое либо явленіе, какое либо пріятное или отталкивающее чувство къ чему нибудь, которое потомъ развивается помимо нашей воли въ опредѣленное свойство. Сначала мы и сами не можемъ понять, откуда это явилось, но при тщательномъ анализѣ увидимъ, что корень, зерно этого явленія находится въ невозвратномъ и уже независимомъ отъ насъ прошедшемъ; что когда-то давно, давно, иногда еще въ дѣтствѣ, легло на душу болѣе или менѣе сильное впечатлѣніе, жившее въ ней до поры до времени бессознательно для насъ, а потомъ при извѣстныхъ услови-

яхъ оно выразилось, возросло и окрѣпло. Въ этомъ отноше-
 нии велика, свята и весьма отвѣтственна задача школы—
 быть врачевницей дѣтской души, искореняя осторожно и
 терпѣливо худое и насаждая доброе, которое выростетъ и
 скажется въ свое время. Напрасно стала бы какая либо шко-
 ла отрицать эту свою задачу. Помимо даже желанія, она
 всею массою впечатлѣній, выносимыхъ изъ нея ребенкомъ,
 своимъ направленіемъ и обращеніемъ, производить на душу
 дитяти неотразимое и неизгладимое, хотя и не всегда сразу
 замѣтное, воздѣйствіе, и нельзя къ этому относиться безраз-
 лично; а отрицать это значить отрицать самую душу и все
 то, чѣмъ она живетъ.

Не всегда только люди, а и случайныя обстоятельства ка-
 лѣчатъ и портятъ дѣтей. Я видѣлъ въ одномъ семействѣ
 примѣръ, какъ малолѣтній ребенокъ, при случайномъ паде-
 нии перебивъ себѣ ногу, пролежавъ съ нею около года и
 оставшись навсегда калѣкою, сталъ потомъ бичемъ окружа-
 ющихъ, ко всему относясь злобно и жестоко, за что и былъ
 удаляемъ отовсюду, куда ни поступалъ. „Богъ шельму мѣ-
 титъ“, говоритъ великорусская пословица, выражая ту мысль,
 что то или иное калѣчество, если не всегда, то нерѣдко
 идетъ рука объ руку съ преступностію. И это вполне есте-
 ственно. Но кто же виноватъ въ этомъ? Вѣдь сами же люди
 своимъ небреженіемъ и своимъ обращеніемъ могутъ доводить
 до того или иного уродства, а условія жизни признаваемого
 уродомъ и отношенія къ нему людей таковы, что вполне
 могутъ развить въ немъ злобу, вражду и преступность. По-
 этому настоящая школа, при поступленіи въ нее, хотя бы
 урода идиота, не должна отталкивать его и этимъ давать ему
 поводъ къ озлобленію, но должна даже радоваться случаю
 сдѣлать изъ него и для него что возможно, доброе, и она
 непремѣнно сдѣлаетъ, въ чемъ и Богъ ей поможетъ.

По результатамъ школьнаго дѣла не столько представля-
 ютъ опасности являющіеся идиотами и калѣками, сколько
 ранніе, неудержимо рвущіеся, не по возрасту развитые ма-
 люки-скороспѣлки, за которыхъ школѣ нужно бояться болѣе,
 чѣмъ за первыхъ. Еще на зарѣ моего учительства посту-

пилъ въ школу малолѣтній ученикъ, (имени за давностію не помню). И что за милый это былъ мальчикъ! Маленькій, съ бѣлымъ, нѣжнымъ личикомъ, съ блестящими, маслянистыми, добрыми глазками, онъ удивлялъ своими успѣхами и въ короткое время опередилъ весьма многихъ; а я только радовался этому. Вдругъ мальчикъ заболѣлъ и умеръ. Конечно, въ животъ и смерти Богъ воленъ. Но произошло это такъ неожиданно и при такихъ странныхъ обстоятельствахъ, что произвело на меня самое глубокое впечатлѣніе. Дѣло было такъ. За отлучкою мѣстнаго священника, въ село былъ назначенъ временно наблюдающій батюшка, не знавшій никого изъ прихожанъ лично. Онъ былъ глубокой старецъ и замѣчательный протестъ. Былъ іюнь; стояла жара. Случилось, что въ одномъ домѣ умерло дитя. Родители умершаго, жившіе въ отдаленной деревнѣ, придя въ село и узнавъ, что своего батюшки нѣтъ, заявили о случившемся причетникамъ, съ просьбою прибыть вмѣстѣ съ этимъ батюшкой для погребенія дитяти. Когда нужно уже было ѣхать, священникъ отказывался тѣмъ, что къ нему никто не явился, а безъ этого, безъ записи въ книги, онъ, какъ сторонній человѣкъ, не можетъ поступать по однимъ только слухамъ. Причетники не знали, что дѣлать, какъ поступить. Въ это время проходила мимо мать мальчика. Они и подучили ее явиться къ священнику въ роли матери умершаго и попросить погребенія. „Такъ это у тебя умершій?“ спросилъ тотъ. Ей некуда была отказываться, и она отвѣтила утвердительно. „Хорошо, сказалъ онъ, ступай домой, готовься, скоро прибуду хоронить.“ Придя домой, она нашла своего сына больнымъ, лежащимъ на лавкѣ. На другой день ему стало еще хуже. Я посѣтилъ его и нашелъ въ сильномъ жару, особенно горячею показалась мнѣ голова. О медицинской помощи въ селѣ нельзя было мечтать, и мальчикъ черезъ нѣсколько дней скончался. Словно напрозорчилъ батюшка, словно мать сама накликала бѣду обманомъ. И вотъ тяжелая дума легла мнѣ на душу, не я ли, хоть косвенно, являюсь виновникомъ того, что такъ рано сторѣлъ мальчикъ, рьяные порывы котораго я не сдерживалъ, хотя и видѣлъ его хруп-

кое здоровье? Вѣдь бываютъ же ретивыя лошади, которыя, чѣмъ тяжелѣе кладь, чѣмъ круче подъемъ на гору, тѣмъ болѣе рвутся, хотя-бы до потери силъ или до послѣдняго издыханія. И если не сдерживать неразумное существо, это можетъ укоротить печальный исходъ для него.

Такъ обстоитъ вопросъ въ отношеніи дѣтей, выдающихся способностями, но малолѣтнихъ и слабоздоровыхъ. Если же, при отличныхъ способностяхъ, мальчикъ уже возрастной, съ цвѣтущимъ здоровьемъ, то за него опасаться нечего, съ нимъ можно смѣло идти впередъ и впередъ, и достигнуть богатыхъ результатовъ. Такъ, однажды поступилъ ко мнѣ сынъ простаго селянина, довольно зажиточнаго и грамотнаго, Григорій Ч., лѣтъ 12, съ симпатичнымъ, улыбающимся лицомъ, съ живымъ темпераментомъ, очень добрый и съ рѣдкими способностями. Я готовъ былъ отвѣчать ему на всѣ его добрыя стремленія, хотя бы и внѣ программы. Зачисленный въ младшее отдѣленіе, онъ быстро и легко усвоилъ себѣ весь курсъ его. Чтобы не томился онъ тамъ безъ движенія впередъ, пришлось среди учебной трети взять его въ среднее отдѣленіе. Здѣсь повторилось то же, благодаря его замѣчательному, неудержимому усердію и гибкости ума, способной быстро все схватывать и усваивать. Быть можетъ, въ немъ отражался его отецъ, сравнительно съ сельскимъ людомъ нѣсколько болѣе развитой и любившій философствовать по разнымъ вопросамъ, особенно библейскимъ и астрономическимъ, познаніями въ которыхъ онъ иногда удивлялъ меня. Григорій среди года перешелъ въ старшее отдѣленіе, гдѣ было 4 ученика. Занятія у меня имѣли чисто семейный характеръ, и дѣти были искренно преданы школѣ и взаимно заинтересованы въ успѣхахъ друга друга. Поэтому новаго товарища группа встрѣтила радостно, и онъ не посрамилъ себя. Быстро слившись съ общимъ дѣломъ, онъ пошелъ впередъ съ любовію, съ увлеченіемъ къ наукѣ, и въ концѣ года отлично окончилъ курсъ и выдержалъ экзамень. Полюбивъ науку, онъ упросилъ отца дать ему дальнѣйшее образованіе, и теперь онъ инженеръ-технологъ, начальствующій надъ крупнымъ учрежденіемъ, но сохранившій въ себѣ неизмѣнными чувства и отношенія къ своей родной семьѣ-

Говоря объ ученикахъ способныхъ и неспособныхъ, нельзя къ слову не подѣлиться наблюденіями надъ учениками лѣнливыми и усердными, скромными и шаловливыми. Какъ показываетъ опытъ, въ опредѣленіи этихъ качествъ учитель можетъ тоже ошибиться и не понимать дѣтей. Часто бываетъ, что дитя, лѣнливо относящееся къ одному дѣлу или предмету, при однихъ приемахъ и условіяхъ, бываетъ усерднымъ къ другимъ видамъ, при другихъ обстоятельствахъ. Казалось-бы, что природная рѣзвость натуры должна имѣть болѣе шансовъ на усердіе къ дѣлу, нежели натура болѣе вялая. Но на самомъ дѣлѣ это не всегда бываетъ: случается и такъ, случается и наоборотъ. Такъ называемая лѣнь у дѣтей часто есть ничто иное, какъ отсутствіе охоты, заинтересованности къ предмету, или слѣдствіе утомленія, или рутинной постановки и веденія дѣла, или непосильности его для дитяти. И причину въ такихъ случаяхъ учителю нужно искать прежде всего въ самомъ себѣ, въ самомъ дѣлѣ и условіяхъ его.

Вообще о дѣтяхъ, на основаніи всей суммы наблюденій за время своего учительства, я могу засвидѣтельствовать то, что Суворовъ свидѣтельствовалъ о солдатахъ, говоря: „солдатъ ученье любить, былъ бы толкъ“. Дѣйствительно, дѣти любятъ трудъ, любятъ дѣло, но тогда, если оно толково, интересно, оживленно. Поэтому необходимо, чтобы учитель при каждомъ упражненіи сообщалъ дѣтямъ цѣль его. Дѣло съ неизвѣстною или непонятною цѣлью дѣти выполняютъ болѣею частію неохотно, безъ энергіи. Нравится дѣтямъ и дружно идутъ они, тогда учитель обращается къ нимъ не въ повелительной формѣ: „читайте“, „пишите“, „на молитву“ и т. п., а въ дружественной, семейной: „помолимся“, „прочитаемъ“, „будемъ писать“, „постараемся выучить“, „давайте пропоемъ“. Большую пользу для заохочиванія дѣтей приноситъ слово ласки. Одно и тоже распоряженіе, будучи (выражено въ сухой формѣ, вызываетъ въ душѣ и самого учителя, и ученика холодное, черствое чувство, и если это будетъ повторяться всегда, то можетъ очерствѣть все дѣло. Напротивъ, тоже само, высказанное въ ласковой,

любезной формѣ (хотя бы для этого учителю пришлось заставить внутренно переломить себя) рождаетъ прежде всего въ самомъ учителѣ доброе и отрадное чувство, и производитъ это же въ ученикѣ, придавая ему особую силу, которую и можно развить и укрѣпить постояннымъ проявленіемъ ласки. Таково общее свойство души человѣка, что онъ можетъ звукомъ своего, ласковаго или грубаго, слова вызывать, какъ эхо, соотвѣтствующее душевное расположеніе въ себѣ и въ другихъ; и это свойство необходимо учителю утилизировать въ педагогическомъ дѣлѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Въ вагонѣ желѣзной дороги.

(Вниманію пастырскихъ собраній).

Мы съ собратомъ заняли самое дальнее мѣсто въ вагонѣ М.-К.-Р. ж. дороги и, какъ водится между духовенствомъ, сейчасъ-же занялись обсужденіемъ несложныхъ вопросовъ изъ своей пастырской практики.

— „Евангелій на русскомъ языкѣ не нужно ли кому? Евангелій“...

Неожиданно раздалось у меня надъ самымъ ухомъ и передо мной, нѣсколько изогнувшись въ вѣжливой позѣ, сталъ извѣстный въ слободѣ Ямской штундистъ — продавецъ книгъ Св. Писанія на русскомъ языкѣ. Громадный ростъ, несимпатичная наружность этого господина какъ-то невольнo останавливаютъ на себѣ вниманіе всякаго проѣзжающаго по К. ж. дорогѣ. Я не зналъ, что онъ штундистъ. Просто изъ любопытства я задалъ ему вопросъ о томъ, какъ идетъ его торговля. — „Мало жаждущихъ“, отвѣтилъ онъ, присѣвъ около насъ: „да и откуда и быть имъ? Вѣра Христова въ упадкѣ, да и когда еще поднимется она, — Богу единому извѣстно. Ревнителѣй вѣры нѣтъ, священно-служители, сдѣлалъ онъ внезапный переходъ, не только не поддерживаютъ вѣру Христову, но какъ бы нарочито усердствуютъ къ упадку вѣры“.

— Что вы говорите?! Не слишкомъ ли строго осуждаете духовенство и чѣмъ докажете справедливость своихъ обвиненій?

— И доказывать не нужно. Если хотите убѣдиться въ справедливости мною сказаннаго, поживите денька два на Курскомъ вокзалѣ. Боже, сколько увидите вы здѣсь батюшекъ, старающихся объ упадкѣ вѣры! Здѣсь вы увидите такихъ, что изъ города возвращаются лежа въ дрожкахъ, такъ какъ выпитое ими не даетъ сохранить равновѣсіе. Другихъ вы увидите съ бутылкой въ рукахъ и въ самомъ развеселомъ расположеніи духа. Иные спорятъ до сквернословія съ извозчиками, ругаются съ нищими, курятъ, лѣзутъ за водкой въ буфетъ, пьютъ цѣлыми компаніями пиво, ѣдятъ не помолившись Богу, даже скоромную пищу въ постъ. Последнее я не считаю важнымъ, но насъ-то въ своихъ поученіяхъ и правилахъ зачѣмъ убѣждаете въ необходимости постовъ и видимой молитвы? А сколько батюшекъ ѣздитъ по ж. дор. зайцами? Сколько таскаютъ къ начальству за неоплаченные билеты и за скандалы въ вагонахъ? Не сочтешь!

А между тѣмъ, духовные должны быть образцами непорочнаго поведенія, какъ и сказано въ Св. Писаніи.—И онъ прочиталъ нѣсколько стиховъ изъ 3-й главы 1-го посланія къ Тимоѳею.

Рѣчь у него была складная. Говорилъ онъ громко, съ авторитетомъ, а насъ почти не слушалъ. Напрасно мы старались доказать, что онъ говоритъ объ исключительныхъ лицахъ и случаяхъ, что духовенство не все такъ плохо. Напрасно напоминали ему, что и среди апостоловъ, избранныхъ Иисусомъ Христомъ, оказался Иуда предатель. Онъ рѣшительно заявилъ, что не знаетъ ни одного порядочнаго священника, да и средствъ нѣтъ къ исключенію особенно дурныхъ членовъ клира духовнаго вѣдомства. Въ древности дурныхъ членовъ Церкви обличали предъ всею Церковью и это было хорошее средство для излѣченія отъ заразы, но этого средства православная Церковь не употребляетъ, а потому духовенство благодушествуетъ, преуспѣвая въ порокахъ.

Публика, заинтересованная рѣчью штундиста, окружила насъ плотнымъ кольцомъ. И удивительное дѣло! Православные охотно поддерживали штундиста въ нападкахъ на духовенство. Иные при особенно рѣзкихъ выраженіяхъ штундиста буквально приходили въ восторгъ. Положеніе наше

было крайне незавидное. Приходилось разомъ отвѣчать нѣсколькимъ лицамъ. Обвиненія сыпались градомъ.

— Жалобы на духовенство ни къ чему не приводятъ, говорили нѣкоторые. Ихъ прикрываютъ духовные слѣдователи, ихъ защищаютъ перепоеенные водкой свидѣтели, консисторіа такія дѣла тянеть годами. Сколько ни подавай прошеній, толку не будетъ. Еще и отвѣтишь за клевету.

— „Правда“, поддержала штундиста одна жепщина, у насъ священникъ...

Кругомъ слышится громкій и дружный хохоть.

Тяжело было переносить эту сцену. Я недавно поселился около желѣзной дороги, и эта сцена для меня была новостью. Я долго не могъ успокоиться.

Недостатки духовенства такъ ярко были изображены, что я былъ глубоко пораженъ. Грѣшный человекъ, въ душу заползали даже сомнѣнія: ужъ не напрасно ли я надѣлся? Ужъ не погубило ли въ самомъ дѣлѣ наше духовенство? За что, думалъ я, насъ такъ ненавидятъ? Неужели такъ и всегда было, и будетъ? И почему мнѣ именно на долю выпало перенести такія униженія и незаслуженные упреки? Это были нехорошія, эгоистическія мысли, но, каюсь, я ихъ пережилъ. Спутникъ мой былъ привычнѣе.

Утѣшая меня, онъ сказалъ: „не стоитъ волноваться. Не разъ еще придется это услышать“. И предсказаніе его скоро исполнилось.

Однажды вошелъ я въ вагонъ, переполненный народомъ. Особенно много толпилось народа около одной лавочки. На ней сидѣлъ старичекъ-священникъ. Слѣва, около него сидѣлъ сынъ его гимназистъ, а справа какой-то мастеровой или мужикъ въ поддевкѣ. Ораторствовалъ именно этотъ правый сосѣдь священника. Рѣчь его была бойкая, простонародная, съ прибаутками. Публика, слушая его, какъ говорится, помирала со смѣха, а священникъ то краснѣлъ, то блѣднѣлъ. Я прислушался къ разговору. Оказалось, мужикъ глумился надъ духовенствомъ; то онъ изображалъ, какъ пьяный батюшка возвращается изъ прихода, то какъ онъ „договаривается“ за требы...

Словомъ, чего, чего тутъ не было. Публика была довольна. Батюшка пытался защищаться, но выходило еще

хуже. Окончивъ свой спектакль, мужикъ, довольный самимъ собой, поднялся со скамьи и повернулся прямо ко мнѣ. Мы встрѣтились глазами. Я долго его разсматривалъ. Длинная его борода возбудила у меня какія-то подозрѣнія. Очевидно она никогда не подстригалась. Я неожиданно даже для самого себя задать ему вопросъ: „вы раскольникъ?“ Мужикъ смутился. Вопросъ мой, очевидно, ему не понравился, но тѣмъ не менѣе онъ отвѣтилъ утвердительно. — „А, такъ это старовѣръ“.. протянулъ кто-то изъ публики недовольнымъ, разочарованнымъ голосомъ: „то-то онъ и пападаетъ-то“.

Послѣ я убѣдился, что сектанты не любятъ открыто говорить о томъ, что они неправославные. И въ первомъ случаѣ, съ штундистомъ, окружающая насъ публика не знала, что поддерживаетъ врага православія.

А какъ ловко они пользуются неосвѣдомленностью окружающихъ лицъ!

Въ своихъ нападкахъ на православіе они такъ умѣютъ подстроить бесѣду, что хулителями вѣры православной являются православные-же.

Окружающихъ лицъ они такъ настраиваютъ, что тѣ стараются перешеголять другъ друга. И не успѣешь одуматься, какъ православные примутся передавать публично анекдоты изъ быта духовенства, кощунствуютъ, рассказываютъ смѣшные случаи при совершеніи различныхъ св. обрядовъ и пр.

Тяжело бываетъ православному священнику при подобныхъ случаяхъ.

А сектантъ спокоенъ. Онъ выкинулъ на своемъ кораблѣ чужой флагъ и, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, безпрепятственно проникаетъ въ непріятельскую гавань и побиваетъ врага его же оружіемъ.

Бываютъ, впрочемъ, къ глубокому сожалѣнію, и такіе случаи, что православные поддерживаютъ явнаго сектанта.

Однажды со мною вмѣстѣ въ вагонѣ Щигровской ж. д. сѣли два скопца.

Одинъ изъ нихъ былъ старикъ лѣтъ 70, бодрый, начитанный и краснорѣчивый; другой—молодой, угрюмый и молчаливый. Оба были безбородые и желтые, какъ вообще

скопцы. Они открыто говорили о своемъ скопчествѣ. Старый оскопился лѣтъ 40, по убѣжденію въ спасительности скопчества. Младшій былъ сынъ старшему. Онъ былъ оскопленъ въ младенчествѣ, по желанію своего родителя.

„Почему вы не принимаете православія?“ задалъ старшему скопцу вопросъ кто-то изъ публики.

— Я православный, отвѣтилъ скопецъ и началъ доказывать это, указывая на то, какъ они скопцы точно исполняютъ заповѣди Божіи.—Присмотритесь, какъ мы хорошо живемъ. Мы не воруетъ, не пьянствуемъ, не ссоримся другъ съ другомъ, помогаемъ ближнимъ... Мы православные... Незамѣтно въ разговоръ вмѣшался и я, стараясь выпытать убѣжденія скопца о догматахъ: о воплощеніи Сына Божія и о св. Духѣ. Не тутъ-то было. Скопецъ отвѣчалъ неопредѣленно, явно уклонялся отъ прямыхъ вопросовъ, сразу понявъ къ чему я клоню свои вопросы. Волей-неволей пришлось перейти на болѣе простые вопросы. Постепенно я доказалъ ему, что онъ неправославный и не имѣетъ права называть открыто себя православнымъ до тѣхъ поръ, пока не покается въ своемъ страшномъ грѣхѣ и преступленіи противъ своего сына, изуродованнаго въ бессознательномъ возрастѣ. Публика насъ слушала съ большимъ интересомъ и ревностно меня поддерживала. Но вскорѣ все измѣнилось. Я сталъ скопца спрашивать о такъ называемыхъ скопческихъ „радѣніяхъ“.

— Я далъ слово Господу Богу, сказалъ скопецъ: не бо врагомъ Твоимъ тайну повѣмъ.

„Значить, бываемое у васъ отай срамно есть и глаголати“ отвѣтилъ я.

Скопецъ разсвирѣпѣлъ и тотчасъ же началъ поносить православное духовенство. Кругомъ начали подсмѣиваться, или злорадно улыбаться. Все мгновенно измѣнилось. Православные поддержали сектанта и такъ ревностно, что хитрый сектантъ незамѣтно перешелъ на мою сторону и сладко, сладко запѣлъ о томъ, что духовенство такъ пало вслѣдствіе своей необезпеченности матеріальной, приниженности и пр., и пр.

Таково положеніе православнаго священника при столкновеніи съ темнымъ сектантскимъ міромъ, но почти таково положеніе его и при столкновеніи съ интеллигентами-сектантами

или отступниками отъ православія. Для примѣра разскажу одинъ случай.

Дѣло было опять въ вагонѣ желѣзной дороги. Обличителемъ духовенства на этотъ разъ былъ врачъ-толстовецъ, увѣрявшій, что духовенство при отлученіи гр. Толстого обнаружило свое незнаніе св. Писанія. Слушая его красивую рѣчь съ примѣсю даже какихъ то французскихъ фразъ, я сейчасъ же замѣтилъ въ свою очередь глубокое невѣжество г. врача и невольно припомнилъ другого врача, который (это случилось въ бытность мою еще псаломщикомъ) заказывалъ по умершей своей кухаркѣ отслужить панихиду съ акаѳистомъ.

Г. врачъ во время своихъ разглагольствованій обнаружилъ полнѣйшее незнаніе православныхъ догматовъ, не говоря уже о канонахъ. Простецы-сектанты въ сравненіи съ нимъ были въ десять разъ освѣдомленнѣй. О св. обрядахъ и таинствахъ онъ говорилъ съ величайшимъ пренебреженіемъ, хотя, я увѣренъ, послѣднія онъ и перечислить не смогъ бы.

Въ разговоръ съ нимъ вступить я долго не рѣшался. По застѣнчивости своей я боялся, что онъ поставитъ меня въ затрудненіе не доводами своими, а нахальствомъ. Слишкомъ ужъ авторитетно говорилъ онъ, и такъ откровенно щеголялъ своей ученостью, что сидѣвшая противъ него дама, глядѣла на него съ благоговѣніемъ, да и окружающія лица одобрительно кивали главами.

— Такъ вы гр. Толстого считаете православнымъ?— рѣшился я наконецъ спросить врача.— Онъ православнѣй насъ съ вами, батюшка,— отвѣтилъ онъ.

— А развѣ вы забыли, продолжалъ я, что въ отвѣтъ на отлученіе Св. Синода онъ самъ писалъ, что догматъ о троичности лицъ—сказка, отрицалъ воплощеніе Сына Божія и, наконецъ, прямо сказалъ, что онъ не только неправославный, а даже никогда и не возвратится въ православіе, какъ птица летающая никогда не возвратится въ яичную скорлупу.— Оказалось, что г. врачъ этого не читалъ, а потому рѣчь свою повернулъ въ другую сторону.

— Не въ догматахъ и обрядахъ дѣло,— продолжалъ онъ: развѣ Христось приходилъ учить насъ догматамъ? Нѣтъ, Онъ училъ какъ правильно жить, чтобы исполнить волю

Божію. И Толстой живетъ настоящей христіанской жизнью, и не православному духовенству обличать и отлучать его.

Оно, само духовенство, унизило православную Церковь и развратило народъ.— Тутъ начались обыкновенные нападки на духовенство. Нападалъ врачъ, однако, такъ ожесточенно и ловко, что и я вышелъ изъ терпѣнія и впалъ въ крайность.

„Что духовенство развратило народъ, отвѣтилъ я, этого вы не докажете, а что вы, врачи, уничтожили самый цвѣтъ христіанскаго общества, такъ это очевидно. Вы научили интеллигенцію нарушать безъ зазрѣнія совѣсти чуть-ли не всѣ христіанскія заповѣди. Любимый вашъ гр. Толстой въ „Крейцеровой Сонатѣ“ прямо говорить, что вы развратили женщинъ и сдѣлали ихъ безстыдными. Но этого мало. Вы научили ихъ вытравливать плодъ, или иначе сказать, научили убивать. Вы теперь безъ всякаго стыда объявляете во всѣхъ газетахъ о своихъ „шарикахъ для дамъ“, значить въ Россіи уже цѣлыя тысячи женщинъ, обученныхъ вами нарушать 7 заповѣдь. Вы увѣряете, что соблюдать посты вредно, долго молиться тоже, долго стоять въ храмѣ Божіемъ на холодномъ полу—пряма гибель, а потому долой 1 заповѣдь, да кстати и 4. Вы съ мнимой ученостью своей увѣрили, что дѣтороженіе ослабляетъ организмъ и разстраиваете такимъ образомъ семейную жизнь. Словомъ, нѣтъ ни одного священнаго уголка, куда бы вы не проникли съ своимъ медицинскимъ ядомъ“.

Боже, что тутъ только я услышалъ! Противъ меня заговорили нѣсколько лицъ разомъ. Въ особенности развирѣпѣли женщины...

Такъ и въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, противнику православной вѣры точкой опоры послужило дурное поведеніе нашего духовенства.

Не знаю, какъ настоящимъ, опытнымъ миссіонерамъ приходится въ своихъ преніяхъ обходить этотъ пунктъ, а для меня онъ былъ положительно роковымъ.

Все, написанное мною здѣсь, есть точный снимокъ съ того, что я видѣлъ, слышалъ и пережилъ. Тоже, вѣроятно, пришлось перенести и всякому, кто пытался постоять за дорогое намъ православіе: я не написалъ ничего излишняго. Я только сдѣлалъ попытку напомнить о томъ, что нужно

же когда-нибудь исправить попорченное, но что именно сдѣлать нужно и кто именно долженъ взяться за это—не знаю. Сопастыри! докуда будемъ слушать справедливый упрекъ: „врачу исцѣлися самъ“! доколѣ будемъ хромать „на (ба колѣна“? (Курск. Еп. Вѣд.).

Священникъ.

Отвѣтъ на „Открытое письмо“, помѣщенное въ № 4 „Полт. Епарх. Вѣдомостей“ с. г.

Достолюбезнѣйшій собратъ, о. Меѳодій!

Лирической безпорядокъ, въ какомъ оказались мысли Вашего „Открытаго письма“, заставляетъ меня думать о той страсти, подъ вліяніемъ которой вылились строки того письма, и такъ какъ страсть эта—гнѣвъ за разоблаченіе Вашего формализма, а гнѣвъ—чувство недоброе всегда и во всѣхъ,—больше всего непріятенъ въ пастырѣ, то настоящій мой отвѣтъ,—если того не успѣло сдѣлать время, имѣеть цѣлью выяснить Вамъ, что Вы дѣйствительно несостоятельны и при томъ—обстоятельно несостоятельны въ своихъ сужденіяхъ о выборномъ началѣ, *) и это доказываете „Открытымъ письмомъ“, гдѣ недоумѣваете, какая можетъ быть связь между выборнымъ началомъ и свободой во всѣхъ ея видахъ. И хотя этотъ недоумѣнный вопросъ рѣшается очень просто и въ нѣсколькихъ словахъ, однако же Вы не захотѣли помыслить только для того, чтобы несправедливо упрекнуть меня въ логическомъ скачкѣ. Начну съ предисловія.

„Быть можетъ“,—говорите Вы,—я получалъ похвалы отъ кого-нибудь, подобно Чацкому отъ Скалозуба, получалъ благодарность за то, что разбилъ Васъ, жалкаго *ретрограда* „въ пухъ и прахъ“.

Трудно понять, зачѣмъ понадобилось Вамъ, о. Меѳодій, извращать мой взглядъ на образъ Вашихъ мыслей: стр. 1446,—9 строка сверху и ниже, *) ясно свидѣтельствуетъ,

*) А равно и въ рѣшеніи другихъ вопросовъ,

*) См. 34—35 № Еп. Вѣдомостей за 1906 г. „Обстоятельная несостоятельность“.

что я приписываю Вамъ не ретроградность, о чемъ сказано выше, но „половинчатость убѣжденій“ касательно раскрѣпощенія личности, касательно гражданской свободы. Между тѣмъ и другимъ состояніемъ—„дистанція огромнаго размѣра“,—скажемъ словами Скалосуба. Практическіе же результаты столь-же ничтожны, какъ и отъ ретроградности.—Выводъ отсюда для Васъ, о. Меѳодій, слѣдующій: надобно читать со вниманіемъ, а писать,—взвѣсивъ хорошенько каждое слово, чтобы никто не могъ упрекнуть Васъ въ верхоглядствѣ и недобросовѣстности.

Взятое само по себѣ, предисловіе Ваше говоритъ очень мало уму и еще меньше—сердцу; но оно, по Вашему расчету, должно было импонирующе подѣйствовать на простосердечнаго читателя Епарх. Вѣдомостей,—одно, моль, пишетъ какой-то Д. П., а другое—священникъ о. Меѳодій Варвинскій, имя котораго часто красуется на страницахъ нашего органа,—ему отдать предпочтеніе, на его сторону склонить „симпатіи“.—Но расчетъ Вашъ невѣренъ, ибо Вы—лицо заинтересованное, почему вполне резонно отвергнуть достовѣрность Вашего показанія, тѣмъ болѣе, что реабилитация Ваша ведется очень страннымъ порядкомъ,—желчною руганью по адресу моихъ политическихъ наклонностей, тогда какъ существо самаго дѣла незатронута Вами ничуть. Вы перешли отъ *предисловія* къ *предувѣдомленію*, въ которомъ излагаете причины того, почему не хотите со мною полемизировать. Вышло, что полемизировать Вы не желаете потому, что во 1-хъ, современная наша полемика сводится на личные счеты, а другой, стало-быть, Вы не можете вести; во 2-хъ потому, что я считаю „болтунами и пустословами“ тѣхъ, кто говоритъ нынѣ о *благочинныхъ* и „*Соезтахъ*“, о благочиннической инструкціи и архангелскомъ сборникѣ; поелику вести полемику въ другихъ областяхъ и на другія темы немислимо,—совѣмъ не оказывается темъ для полемики... Къ чести Вашей должно отнести, что свое обѣщаніе—не вести полемики—выполнили Вы аккуратно; но сами рѣшите вопросъ, относится-ли къ Вашей чести и то, что Вы въ своемъ „письмѣ“ очень хоро-

шо бранитесь? Однако же странно, что рѣчь русскаго чловѣка оказалась для Васъ, о. Меѳодій, китайскою грамотой: я говорилъ о томъ, что словопренія по вопросу о времени утвержденія акта, коль скоро существо его обойдено вниманіемъ Вашимъ и Вашего оппонента, никому ненужны и неинтересны, при чемъ актъ 1871 года я дѣйствительно назвалъ архаичнымъ (въ этомъ грѣхѣ повинно и Высочайше утвержденное предсоборное Присутствіе!); но извлекать изъ-подъ моего пера мысли, никогда мнѣ не приходившія въ голову (говорить о благочинныхъ и Совѣтахъ значить, будто-бы, пустословить, тогда какъ мысль о Совѣтахъ является у меня основаніемъ, на которомъ построены всѣ дальнѣйшія мысли), очень похоже, о. Меѳодій, на контрафакцію,—преступленіе весьма почтенныхъ размѣровъ...

За предувѣдомленіемъ слѣдуетъ *изложеніе*... но... моихъ мыслей, съ нарочитымъ при томъ намѣреніемъ искаженныхъ Вашими, о. Меѳодій, вставками. Буквально повторять моихъ мыслей я не буду, равно какъ не буду останавливаться и на Вашихъ неумѣстныхъ восклицаніяхъ; но смыслъ переданныхъ Вами мыслей моихъ съ Вашими искаженіями и безъ нихъ нахожу необходимымъ выяснить для Васъ.

Рѣчь шла о выборномъ началѣ въ нашемъ вѣдомствѣ; я доказывалъ несостоятельность Вашего взгляда на выборное начало, какъ на зло. Разумѣется, я мыслилъ о Васъ въ то время не такъ, какъ теперь: я думалъ, что Вы имѣете какое-нибудь представленіе о выборномъ началѣ, необходимо связанномъ съ гражданскою свободой, какъ часть съ цѣлымъ, ибо выборное начало, о. Меѳодій, есть право, а гражданская свобода—совокупность правъ. Въ виду такого неправильнаго представленія моего о Васъ, я привелъ перечень страдальцевъ, въ большинствѣ случаевъ—идейныхъ страдальцевъ, достигавшихъ гражданской свободы. Высочайшій манифестъ 17 октября 1905 года далъ эту свободу всѣмъ гражданамъ нашего отечества; мы съ Вами—граждане, слѣдовательно, и намъ дана свобода. Но мы съ Вами остались равнодушными къ этому дару, а народъ, умѣющій цѣнить высокій даръ, ликовалъ... Вскорѣ затѣмъ стали рыскать среди народныхъ

массъ непризванные глашатаи *произвола* вмѣсто дѣйствительной свободы. И тутъ мы остались простыми зрителями; и только когда погромы и пожары вспыхнули на Руся отъ края до края, мы встрепенулись, потому что испугались,— и только. Но правительство, сперва опустившее было руки, мало-по-малу пришло въ себя и принялось за репрессіи: переполнились тюрьмы, населились пустыри Нарыма и Барабинскихъ степей, потекла кровь ручьемъ... Репрессіи необходимы, когда способы осуществленія свободы приняли уже безобразно—уродливыя, дикія формы; но безобразно—уродливыя, дикія формы способовъ осуществленія свободы необходимо-ли сопровождали-бы движеніе, если бы во главѣ народныхъ массъ, шедшихъ на встрѣчу великому Царскому дару, стояли не волки въ овечьихъ шкурахъ, а мы, истинные служители культа равенства, братства, любви? Но мы неразумно, по своей косности, уступили свою роль, порученную намъ и Божескими и человѣческими законами, роль народныхъ вождей, — учителей, руководителей, просвѣтителей, христіанизирующихъ души человѣческія.—глашатаямъ *произвола*, а не свободы въ благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова,—и кровь брызнула, и хотя отчасти, но все же она брызнула и на насъ за то, что мы боязливо спрятались въ толпѣ нашихъ пасомыхъ, оставили праздными свои посты, ихъ заняли люди злонамѣренные!.. И я скорблю объ этомъ такъ же, какъ и всякій другой, въ чьей груди еще не перестало биться человѣческое сердце...

Далѣе слѣдуетъ новая контрафакція, сдѣланная Вами, о. Меодій, надо полагать, съ цѣлью подчеркнуть мою политическую неблагонадежность, оказавшуюся, какъ это видно изъ сказаннаго выше, простою фикціей,—въ тривиальныхъ, нѣсколько компрометирующихъ званіе священника, выраженіяхъ: „Скорбите, наконецъ, отче преподобный, о томъ, что служители культа—равенства, братства, любви не хотятъ принимать участія, не желаютъ быть руководителями устроителей дебошей, демонстрацій... и проч. т. п.“.

Здѣсь очень замѣтно отсутствіе самообладанія въ Васъ, о. Меодій, желчность характера.. несчастье—имѣть такой

характеръ: лучше бы его совѣсьмъ не имѣть! Вы совершили отвратительное преступленіе; достаточно сказать, о. Меѳодій, что преступленіе, совершенное Вами, имѣетъ полную аналогію съ тѣмъ, какъ если бы кто-нибудь, движимый злобою къ своему брату, человѣку благонадежному во всѣхъ отношеніяхъ, съ цѣлю выместить свою необузданность, тайно бросилъ бы въ его квартиру прокламаціи преступнаго характера, а за тѣмъ привелъ бы полицейскаго чиновника къ этой квартирѣ, сказавъ: „здѣсь живетъ политическій преступникъ, распространяющій прокламаціи, возбуждающія въ населеніи политическія страсти,—войдите къ нему“.

Совершивъ такое преступленіе, Вы, чтобы заглушить въ себѣ смутившуюся совѣсть, стараетесь успокоить себя сознаниемъ исполненнаго долга, и открыто глумитесь надъ пастырскою скорбью, этимъ святымъ чувствомъ, въ такихъ выраженіяхъ: „надлежитъ замѣтить Вамъ,—далеко, слишкомъ далеко „заѣхали Вы!“.

Думается мнѣ, о. Меѳодій, что чувство пастырской скорби незнакомо Вамъ и кажется чѣмъ то похожимъ на „трынь—траву“; въ противномъ случаѣ—едва-ли Вашъ языкъ произнесъ-бы глумленіе.—Но если, по Вашему свидѣтельству, въ человѣчности я „заѣхалъ“ слишкомъ далеко, то мнѣ остается только пожалѣть, что есть еще одинъ священникъ, которому непріятно видѣть въ другихъ человѣчность; есть еще пастырь, который „поѣхалъ“ въ этомъ отношеніи „слишкомъ“ далеко назадъ.

Въ слѣдующемъ небольшомъ отдѣлѣ Вы не преминули упрекнуть меня въ игнорированіи элементарныхъ приемовъ критики, съ которыми (приемами),—согласитесь, о. Меѳодій, что это такъ,—Вы совершенно незнакомы, и голословно утверждаете, что я намѣренно исказилъ Ваши мысли, доведу ихъ до абсурда, и свои возраженія строю, будто бы, на отрицаніи того, чего Вы „никакъ не могли утверждать“.

Мысли Ваши, на которыя я возражалъ, приводились мною цѣликомъ изъ Вашей статьи—„Попытка къ разъясненію“; и, если что-либо напечатано не такъ, какъ думали Вы, то не моя въ томъ вина. Но это не все: всѣ мои мысли направ-

лены были противъ двойственности Вашего взгляда на выборное начало, чего не отрицаете Вы и въ „Открытомъ письмѣ“. Сконцентрированны на этомъ вопросѣ возраженія мои, по самому существу его, остановились только тогда, когда коснулся я частныхъ; но и здѣсь я цѣликомъ, безъ всякаго измѣненія, привелъ Ваши слова, напечатанныя на страницахъ „Еп. Вѣдомостей“.—Если бы это обвиненіе я слышалъ непосредственно отъ говорящаго, то принялъ бы ихъ за бредъ сонного или больного человѣка. . Необходимо указывать мѣста, изуродованныя мною...

„Полагаю,—пишете далѣе,—что поступили Вы не хорошо, а не хорошо потому, что непоследовательно начать однимъ, а продолжить и окончить другимъ, не имѣющимъ рѣшительно никакой логической связи съ первымъ“.

Удивительно, что Вы не улавливаете перехода отъ выборнаго начала, какъ права, къ гражданской свободѣ, какъ суммѣ правъ (см. выше)! Надо полагать, что логика такихъ фактовъ, какъ выходъ цыпленка изъ яйца, Вамъ всегда казалась чѣмъ-то возмутительнымъ, гдѣ нѣтъ последовательности, логичности, но гдѣ есть непостижимые скачки... и Вы, разумѣется, осуждали эти ненормальности, не взирая на то, что логика фактовъ неумолима логики словъ. Сверхъ того—понятіе „не хорошо“ въ данномъ случаѣ должно было имѣть нравственное содержаніе, такъ какъ говорено было объ искаженіи мною Вашихъ мыслей, какъ *нехорошемъ поступкѣ* („не хорошо Вы поступили“). Однако же Вы уклонились отъ выясненія нравственной несостоятельности моего *поступка*, ибо не имѣли подъ собою фактической почвы, по обыкновенію, принятому Вами,—и оказались поэтому въ положеніи человѣка, энергично рванувшагося съ мѣста, споткнувшагося и неожиданно упавшаго.

„Невольно припоминается, при чтеніи Вашей „Обстоятельной несостоятельности“, классическое „Взглядъ и нѣчто“ Грибоѣдова“.

Какъ и всякій, кто любитъ отечественную словесность, я, о. Меодій, очень интересуюсь знать, въ какой библіотекѣ, въ какомъ складѣ книжномъ скитается это „классическое

произведеніе великаго русскаго писателя. Кажется, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ Вашей фантазіей, не въ мѣру разыгравшейся.

Вторая половина этого отдѣла излагаетъ характеръ выраженія моихъ мыслей „кадетскаго пошиба“ въ статьѣ „Обстоятельная несостоятельность“; но вмѣстѣ съ тѣмъ она ярко характеризуетъ Васъ, о Меѳодій, какъ человѣка пристрастнаго, крайне несправедливаго, способнаго, подъ вліяніемъ мелочнаго самолюбія, дойти до клеветы. Перечисляя шедевры, вдохновившіе, какъ Вы увѣрены, меня изобразить Вашу несостоятельность, Вы говорите: „Употребляете избитыя и—что особенно интересно—*чуть не подлинно заимствованныя выраженія изъ „новыхъ“ повременныхъ изданій... каковы: „Борьба“, „Молоть“... и т. д.*

Чего заслуживаете Вы, о Меѳодій, за такой кривосудъ,—представляю судить тѣмъ, кто познакомился съ моей статьей, кто сколько нибудь знакомъ съ тѣми повременными „новыми“ изданіями, о которыхъ Вы говорите, какъ хорошій знатокъ ихъ, и которыхъ я никогда не имѣлъ въ своихъ рукахъ, по недостатку времени; но—главное—тѣмъ, кто не разучился еще глядѣть прямо въ глаза правдѣ, и кто знаетъ, что такое литературная честность. О Вашей-же порядочности я того мнѣнія, что Вы, по обыкновенію, не имѣя подъ собою никакой почвы, въ данномъ случаѣ поступили непорядочно, полагая, что поступить непорядочно значитъ поступить порядочно. И если Вамъ кажется, что я находился подъ вліяніемъ „Молота“, то приходитъ это поѣтому лишь, что сами Вы, о Меѳодій, попали въ пространство между молотомъ и наковальней... Что касается стилистическихъ недостатковъ моей замѣтки, отмѣченныхъ Вашими эпитетами: „шаблонность“, „базарность“, „избитость“,—то для Вашего назиданія не мѣшаетъ Вамъ прочитать извѣстную басню И. А. Крылова—„Зеркало и Обезьяна“, гдѣ послѣднія двѣ строчки преподадутъ Вамъ очень полезный урокъ.

Въ концѣ этой части Вы, о Меѳодій, опять передаете Ваше сновидѣніе касательно моихъ увлеченій крайними политическими теченіями, освѣщаете вопросъ съ узко-полицей-

ской точки зрѣнія, чтобы urbi et orbi заявить о моемъ вредномъ направленіи; безцеремонно приподнимаете завѣсу въ тайники моихъ желаній и безапелляціонно рѣшаете, что я „непремѣнно“ хотѣлъ явить себя міру человѣкомъ „либерально-прогрессивнаго“ направленія. А такъ какъ Вы, о. Меѳодій, и здѣсь не имѣете никакихъ основаній, какъ это я показалъ Вамъ всюду, то позвольте мнѣ указать Вамъ мѣсто, гдѣ скрывается это основаніе: оно скрывается въ моей подписи подъ статью. Разумѣется, я буду очень польщенъ, когда читатели „либерально-прогрессивнаго направленія“ составятъ диэпирамбъ въ честь двухъ буквъ „Д. и П.“!

„Великія“ идеи и смыслъ „освободительнаго движенія“ нравятся Вамъ и не даютъ Вамъ покоя,—заканчиваете Вы этотъ отдѣлъ.

Идея свободы—великая идея, потому, о. Меѳодій, что сама свобода—великій даръ Божій,—объ этомъ я кратко, но ясно для внимательнаго читателя сказалъ въ своей статьѣ „Обстоятельная несостоятельность“ (см. стр. 1444, строка 5 сверху).—Свобода выше воли, выше дара слова; отъ взаимобщенія благородной свободы съ здравымъ умомъ рождается разумъ; не тотъ разумъ, смыслъ котораго варьируется обыденнымъ словоупотребленіемъ, но разумъ, какъ добродѣтель высшаго порядка. Этимъ Вы можете объяснить и то опредѣленіе свободы, которое мы съ Вами нѣкогда учили въ нравственномъ богословіи,—что свобода есть достиженіе такой высокой ступени нравственнаго совершенства, откуда невозможенъ уже поворотъ къ грѣху. Существа, одаренныя умомъ и волей, дорожатъ своею свободою сознательно; существа-же, лишенныя высшаго вѣдѣнія и воли, получившія также свободу, но въ неизмѣримо меньшемъ размѣрѣ по сравненію съ человѣкомъ,—дорожатъ ею бессознательно, инстинктивно. Если свобода такъ дорога не только человѣку, но и всякому другому живому существу, то что-же Вы находите удивительнаго, или даже предосудительнаго въ томъ, что дѣйствительно великія идеи освободительнаго движенія, т. е. осуществленія свободы въ томъ смыслѣ, въ какомъ я изобразилъ выше, а еще раньше—въ статьѣ „Обстоятельная несостоятельность нравятся“ мнѣ?—Для меня, человѣка невели-

каго, идея свободы и стремленія (тоже, что движеніе) къ достиженію ея—велика безъ вносныхъ знаковъ; а для Васъ о. Меодій... сей-часъ видно челоѣка великаго,—эта идея стоитъ *съ кавычками*.

Но Вы пожалуй подумаете, что одно—свобода, Богомъ дарованная, и совсѣмъ другое—свобода политическая, Государемъ данная. Однако-же согласитесь, что политическая свобода есть одинъ только видъ родового понятія „свобода“; и идея этой свободы именуется великою и Государемъ, и св. Синодомъ, и всѣми „Россіянами“, и всѣмъ цивилизованнымъ міромъ:

Затѣмъ слѣдуетъ Ваша смѣлая экскурсія... прямо въ мою душу. Вы разложили ее, для обстоятельнаго удобства, такъ же, какъ въ анатомическихъ палатахъ раскладываются трупы на препаровочныхъ столахъ, и предъ Вами обнажились мои затаенныя мысли, мои агитаторскія вождѣнія. Обвиненіе въ агитаторствѣ составлено въ такихъ выраженіяхъ: „Не захотѣли Вы такъ (т. е. откровенно, смѣло, прямо, честно и справедливо *трубить публично* дорогія моему сердцу идеи и убѣжденія) поступить, ибо разсуждали: восторженнаго моего панегирика новому освободительному движенію, самого по себѣ, какъ онъ есть въ отдѣльности, да еще въ епархіальномъ органѣ, къ печати не допустятъ; лучше поглумиться, заклеятъ честныя *убѣжденія* другого; начну я критикой этихъ *мнѣній*, назову я эту критику „Обстоятельной несостоятельностью“ и этой-же критикой проложу себѣ мостъ для шумныхъ диэирамбовъ на тему объ освободительномъ движеніи; такъ будетъ лучше, и, навѣрное, пройдетъ моя статья“.

Во-первыхъ, Вы, о. Меодій, впадаете въ явное противорѣчіе съ самимъ собою: въ началѣ своего „письма“ говорите, что считаете долгомъ отвѣтить мнѣ на мою статью потому, что въ ней я „прежде всего и больше всего“, будто-бы, обращаюсь къ Вамъ; а здѣсь уже видите мое желаніе вызвать „шумные“ диэирамбы „панегирикомъ“ освободительному движенію, разумѣется-же, не отъ Васъ, къ которому *прежде и больше всего обращаюсь*, а отъ другихъ,—отъ чи-

тателей Епарх. Вѣдомостей, къ которымъ обращаюсь, стало быть, меньше всего и которыхъ почти не имѣю въ виду. Во-вторыхъ, по Вашему выходитъ, что „трубить“ *публично*, т. е. говорить народной толпѣ, это значить и открыто свидѣтельствовать, что такое мои убѣжденія; это и значитъ быть смѣлымъ, честнымъ и проч.; но если напечатать въ какомъ нибудь органѣ, то это, по Вашему, не публично, не смѣло, не открыто и, слѣдовательно, не честно?—Въ-третьихъ, откуда возникаетъ у Васъ мысль, что я не „трубилъ“ народу о своихъ убѣжденіяхъ съ церковной кафедры въ такомъ-же смыслѣ, въ какомъ выразилъ ихъ на страницахъ нашего органа? Въ-четвертыхъ, — поелику предпосылки, на которыхъ зиждется этотъ, такъ сказать, уродливый психологическій анализъ, отвергнуты уже, какъ негодный матеріалъ (см. выше), то и все это зыбкое строеніе само собою падаетъ.

„Такіе приемы литературные,—считаете Вы,—не могутъ возбудить ничьихъ симпатій“...

Во-первыхъ, о. Меодій, *Ваша* необдуманная авантюра въ область психологіи не есть *мой* литературный приемъ, а во-вторыхъ, когда я писалъ, то не имѣлъ въ виду склонять къ себѣ чьи-либо симпатіи, но желалъ установить правильный взглядъ на гражданскую свободу, которой у духовенства изъ вѣхъ сословій наименьше, такъ какъ вы въ своей „Попыткѣ“ видимо старались безправіе предпочесть только что дарованному намъ праву.

Далѣе слѣдуетъ заключеніе, которое выведено Вами *изъ ничего*. Въ немъ Вы дѣлаете опредѣленіе здравомыслящей культурности, которая, по Вашимъ словамъ, характеризуется паче всего тѣмъ, что ревниво оберегаетъ, хранить подспудомъ свои убѣжденія и не измѣняетъ имъ. И это Вы называете безпорной истиной? Что-же тогда не истина?—А если,—скажемъ,—язычникъ нашелъ, что христіанство неизмѣримо выше его языческихъ убѣжденій, оставляетъ вѣру своихъ отцевъ и становится христіаниномъ,—ужели, за такую измѣну худшему, за то, что пришелъ онъ въ разумъ истины, онъ попадаетъ въ разрядъ не только некультурныхъ,

но, съ Вашего позволенія, даже и нездравомыслящихъ людей? А вотъ еще новая „общеизвѣстная истина“, по которой Вы, о. Меѳодій, распознаете „благородство и интеллигентность“ въ людяхъ: „Человѣкъ, дорожащій и уважающій свои убѣжденія, не менѣе склоненъ также цѣнить и уважать убѣжденія, мысли и направленіе другого“. Эта „общеизвѣстная“ во всей Кирьяковкѣ (изъ Вашей подписи явствуетъ, что мѣсто Вашего служенія—с. Кирьяковка) истина очень полезна во-первыхъ потому, что побуждаетъ cadaго, желающаго получить отъ Васъ званіе благороднаго и интеллигентнаго человѣка, стать чѣмъ-то—въ родѣ *inter homo*; во вторыхъ, отрываетъ мнѣ (а можетъ быть и другимъ) возможность судить о степени Вашей интеллигентности и благородства Вашего по „Открытому письму,“ изъ котораго легко видѣть Ваше отношеніе къ чужимъ убѣжденіямъ, какъ уже оказалось, не угаданнымъ Вами; въ-третьихъ—ясно показываетъ не мнѣ только, но и всякому, что Вы оказываете низжайшее почтеніе анархистамъ и бомбометателямъ, потому что и они же имѣютъ свои *убѣжденія, мысли и направленіе*... Худо, о. Меѳодій, когда появится много истинъ, очень худо!

Причисливъ, затѣмъ, меня къ категоріи „писателей“, руководствующихся въ своей дѣятельности принципомъ—„цѣль оправдываетъ средства“,—руководствующихся для того только, чтобы поглумиться надъ честными „убѣжденіями, мыслями и мнѣніями“ другого, Вы заканчиваете, наконецъ, свое „письмо“ вторымъ заключеніемъ, которое имѣетъ свою особенность. Эта особенность состоитъ въ томъ, что во-первыхъ, Вы не отдаете себѣ яснаго отчета,—справедливо-ли поступили Вы, написавъ свое „письмо“, ибо въ немъ, „быть можетъ“, „кое-что пересказано, а многое недоказано“,—другими словами,—Вы не были объективны: кое-что прибавили, а многое утверждали голословно, бездоказательно, потому что для Васъ человѣкъ „не по хорошу милъ, а по милу хорошъ“ и наоборотъ; во-вторыхъ, увѣряете меня, что хотя Вы и взяли на себя такой грѣхъ, пошли путемъ *неправды*, однако-же сдѣлали это для того, чтобы отыскать *правду*.—Надо-

бы знать, о. Меодій, что кривыми путями къ правдѣ не ходять, что „всякая неправда есть грѣхъ“, что грѣхъ никого и никогда не приводилъ къ добру и что, слѣдовательно, не приводилъ онъ и къ правдѣ. Но Ваша откровенность имѣеть еще и другую цѣну, такъ какъ то, въ чемъ бездоказательно Вы упрекнули меня, всецѣло принадлежитъ Вамъ, какъ руководящій Вами принципъ,—у Васъ дѣйствительно „цѣль (правда) *” освящаетъ средства (кривые пути къ „правдѣ“).

Теперь, когда уже исчерпаны все мысли Вашего „письма“, умѣстно спросить, чему-же подобно все Ваше предпріятіе?— Но Вы и сами видите, что оно подобно утлой ладьѣ, спущенной въ открытое море; песокъ и глина засыпали ее до половины, чтобы порывы вѣтра могли встрѣчать сопротивление въ тяжести ихъ. Но самая тяжесть балласта раздвинула борты, продавila дно ладьи; песокъ и глина разсыпались въ водѣ, а бѣдный челнъ, безъ руля и безъ вѣтриль, потерялся въ безбрежномъ просторѣ безстрастнаго моря...

Священникъ П. Д.

Изъ пережитого.

(Продолженіе).

Стоялъ жаркій день въ концѣ августа. По пыльной дорогѣ, подъ палящими лучами солнца катилась деревенская повозка, запряженная тощей, измученной клячей съ поникшей головой и ясно выступавшими на рыжихъ бокахъ ребрами, которыя еще издали легко было пересчитать, и которыя методически пересчитывалъ толстымъ ремненнымъ кнутомъ возница—толстый черный мужикъ, въ барашковой шапкѣ съ наушниками, въ теплое тулупѣ, несмотря на жару. Одѣлъ онъ зимній полушубокъ потому, что полушубокъ былъ сравнительно новый; а нельзя-же показаться въ городъ въ рваной одеждѣ, тогда какъ у него одинъ только полушубокъ могъ

*) Что разумѣете Вы подъ именемъ „правды“, Вашей „правды“— неизвѣстно.

назваться болѣе или менѣе приличной одеждой. И возница съ достойнымъ лучшей участи терпѣніемъ переносилъ жару, ворча и побряхтывая, вытирая кулакомъ обильный потъ на шеѣ. Лошаденка, выбиваясь изъ послѣднихъ силъ, изрѣдка потрухивала рысцой, оставляя позади стараго облѣзшаго двороваго пса, который, вѣрный своему долгу, несмотря на свои почтенные тринадцать лѣтъ, трусилъ за своими хозяевами.

Колесница влекла въ уѣздный городъ матушку Алякринскую съ сыномъ, котораго она везла въ мѣстное духовное училище.

Рано утромъ поднялись всѣ въ день отъѣзда. Въ это утро Финикешу кормили, точно на убой. При прощаньи отецъ благословилъ сынишку иконой, и сказалъ; „слушай, Аѣиногенъ. Ты знаешь, что тебя сегодня отвезутъ въ училище. Помни, что теперь наступаетъ для тебя новая жизнь, полная интереса и соблазновъ. Помни, чему я всегда училъ тебя: терпи, старайся, будь послушенъ, никого не обижай, всегда молись Богу. Слушай, что говоритъ тебѣ твой старый отецъ. Помни, дитя, что мы Алякринскіе! А родъ нашъ всегда жилъ честно, ничѣмъ не запятналъ своего имени. И знай, если ты останешься твердъ и честенъ среди соблазновъ, великая тебѣ будетъ награда отъ меня и въ жизни.

Но если ты падешь, то знай, что въ тотъ день ты убьешь своего отца!“

Финикеша разревѣлся, испуганный зловѣще—торжественнымъ выраженіемъ отцовскаго лица, хоть и не понялъ ни звука изъ всего сказаннаго.

„Ну, ладно, ладно. Хорошо, хорошо, я знаю, ты у меня всегда былъ и будешь умнымъ, разсудительнымъ мальчикомъ“, ласково сказалъ отецъ, въ то-же время думая самодовольно въ душѣ: „какой славный, развитой! Какъ сильно подѣйствовали на него мои слова!“ Такъ обманывался бѣдный отецъ. Усадивъ въ повозку жену и ревущаго бутуза, благословивъ ихъ еще разъ, іерей сказалъ. „Ну, съ Богомъ!“ и быстро пошелъ на крыльцо. Возница молодецки вскочилъ на передокъ, чмокнулъ, рванулъ вожжами,—и колесница, скрипя плохо подмазанными колесами, тронулась со двора.

Дорогою мать нѣжно закутывала лоснившагося отъ поту мальчугана, и нѣжно спрашивала, не болитъ-ли ушко, не дуетъ-ли и т. п., проявляя часто безтолковые признаки безпредѣльной материнской любви. Бутузь молча и сердито отдувался, приводя мать въ еще большее безпокойство.

Къ вечеру пріѣхали въ городъ и остановились по рекомендаціи знакомаго дьячка въ номерахъ для пріѣзжающихъ родителей воспитанниковъ духовнаго училища. Этотъ вечеръ матушка провела въ благочестивыхъ бесѣдахъ со старымъ благообразнымъ іереемъ, а Аѣиногенъ познакомился съ нѣсколькими, подобными ему, новичками и бурсаками, родители которыхъ остановились тутъ-же; все время ѣлъ конфекты и болталъ съ новыми товарищами. Тутъ между прочимъ произошелъ такой инцидентъ.

Одинъ изъ бурсаковъ долго смотрѣлъ на то, съ какимъ аппетитомъ уплеталъ Аѣиногенъ свои лакомства. Наконецъ, не вытерпѣвъ, подошелъ и грубымъ голосомъ сказалъ: „дай-ка мнѣ конфектъ“.

— Какъ-бы не такъ,—сказалъ Финикеша, самодовольно помахивая полной пригоршней передъ самымъ носомъ просителя:—поди, купи себѣ; а мнѣ купила конфектъ моя мама.

Бурсакъ злобно посмотрѣлъ на обидчика. Не успѣвъ Финикеша оглянуться, какъ онъ схватилъ его руку, и вырвалъ конфекты.

„Ха-ха-ха!“ смѣялся онъ, смакуя леденцы.

Аѣиногенъ сначала опѣшилъ. Потомъ разъяренный, онъ со слезами на глазахъ и со сжатыми кулаками подступилъ къ бурсаку съ требованіемъ немедленно-же возратить награбленное добро, угрожая въ случаѣ отказа побить ему морду.

„Какъ-бы не такъ; такъ ты и получишь свои конфекты,“ насмѣшливо сказалъ тотъ, пряча леденцы въ карманъ и становясь въ оборонительную позу.

Противники смѣрили другъ друга гнѣвнымъ взглядомъ. Финикеша былъ маленькій, нѣжный, избалованный мальчикъ со слабымъ тѣлосложеніемъ; бурсакъ-же былъ высокій, тѣлосложеніемъ мускулистый малый, старше по годамъ, и сверхъ того обладалъ внушительнаго размѣра кулаками.

Финикеша понялъ сравненіе не въ свою пользу и, оставль первоначальное желаніе наказать своими силами наглеца, съ громкимъ плачемъ побѣжалъ жаловаться матери.

„Дуракъ! Болванъ! Фискаль!!!... Погоди, вспомню это я тебѣ въ училищѣ!“ кричалъ вслѣдъ ему бурсакъ, убѣгая со двора.

Аѳиногенъ со слезами кинулся къ матери и повѣдалъ ей свою обиду. Возмущенная мать, прервавъ свою благочестивую бесѣду со старичкомъ—іереемъ, пошла на дворъ, чтобы достойно наказать грабителя. Но во дворѣ въ отдаленіи стояла толпа бурсаковъ, грозившихъ и показывавшихъ языки Финикешѣ.

— Погоди,—говорили бурсаки:—мы тебѣ покажемъ, какъ фискалить, дрянной мазунчикъ, маменькинъ сынокъ!

Алякринская со слезами на глазахъ обратилась къ родителямъ бурсаковъ, которые прикрикнули на головорѣзовъ, заставивъ ихъ разбѣжаться. Аѳиногенъ ревѣлъ, что называется, во всю. Возволнованная мать хотѣла увести домой своего сынишку, и насилу другіе убѣдили ее остаться, увѣривъ въ томъ, что все это не болѣе, какъ дѣтская шутка, которая завтра-же забудется. Ясно, что они были неправы. Однако, тяжело вздохнувъ и возведя очи къ образамъ, матушка осталась. Финикеша всю ночь проревѣлъ, боясь предстоящаго ему завтра посѣщенія духовнаго училища и встрѣчи съ ужасными, ненавистными бурсаками. Наконецъ, уже къ свѣту онъ заснулъ. Онъ тревожно и мучительно всхлипывалъ во снѣ. Ему снилось, что онъ въ большомъ классѣ посреди толпы бурсаковъ. Надъ нимъ насмѣхаются, бьютъ его, щиплютъ, ругаютъ. А въ дверяхъ стоитъ его мать и смотритъ на все это печальными глазами. Онъ бросается къ ней, простираетъ руки, но она какъ-то отдаляется отъ него, точно расплываясь въ воздухѣ.

„Мама, мама! Не уходи, не покидай меня здѣсь!!!...“ отчаянно закричалъ онъ—и проснулся.

Надъ нимъ стояла мать и, улыбаясь, будила его.

— Вставай, Финикеша, просмотри свои книги; скоро по-

ра на экзамень,—говорила она, тревожно и вмѣстѣ радостно оглядывая сына.

Аениногенъ приподнялся, протирая глаза. Прежде всего онъ запустилъ пятерню въ карманъ за конфектами. Карманъ былъ пустъ. Тогда онъ вспомнилъ вчерашнія непріятности, и дурное расположеніе духа снова овладѣло имъ.

Насупившись, просматривалъ онъ молитвы и стихотворенія, тогда какъ мать поспѣшно готовила завтракъ, времяпами тревожнымъ и любовнымъ взоромъ посматривая на сына. Позавтракавъ и помолясь Богу, матушка съ сынкомъ направилась въ духовное училище. Подходя къ училищу, Финикеша невольно обратилъ на него вниманіе. Извѣстно, что въ большинствѣ случаевъ видъ учебнаго заведенія, въ которое дѣти вступаютъ, производитъ на нихъ въ первый разъ тяжелое, гнетущее впечатлѣніе: то-же испыталъ и нашъ малецъ. Училище представлялось ему тюрьмою, лишонною свѣта и воздуха. Однако онъ съ любопытствомъ вступилъ въ открытыя двери. Тутъ уже дожидалась цѣлая толпа родителей съ дѣтьми.

Подошелъ длинный сухой субъектъ въ длиннополомъ вицмундирѣ съ блестящими пуговицами, внушавшими почтеніе дьячкамъ и вдовамъ. Онъ пригласилъ родителей слѣдовать за нимъ. Поднялись во второй этажъ и вошли въ длинный свѣтлый корридоръ, съ множествомъ входныхъ дверей по стонамъ.

Разъяснивъ нѣсколькимъ любопытнымъ, что это классы, воспитатель распредѣлилъ новичковъ по классамъ, смотря по тому, въ какой классъ они должны были держать экзамень. Родителямъ дозволено было оставаться у классныхъ дверей.

Аениногена съ его партіей ввели въ громадный, какъ ему казалось, классъ съ большими окнами и блестящимъ, точно лакированнымъ, поломъ, который въ первую минуту показался ему однимъ изъ семи чудесъ свѣта. Финикеша со страхомъ и трепетомъ ступалъ по блестящему полу, боясь поскользнуться и упасть. Приглядѣвшись къ новымъ товарищамъ, онъ съ облегченіемъ замѣтилъ, что между ними не было его вчерашняго оскорбителя. Новоиспеченные воспитанники съ

шумомъ и говоромъ усѣлись за большими черными партами. Тутъ нашъ бутузъ съ нѣкоторымъ страхомъ замѣтилъ, что подлѣ него усѣлся одинъ изъ бурсаковъ,—нѣсколько ихъ изъ любопытства помѣстилось въ ихъ классѣ, онъ сразу отличилъ по нѣкоторому подобію формы, отличавшему ихъ отъ прочихъ новичковъ.

Это былъ толстый здоровый малый, съ открытымъ лицомъ и веселыми, хитро бѣгающими глазами.

Финикеша сразу почувствовалъ къ нему нѣкоторое довѣріе. Бурсакъ оказался разговорчивымъ малымъ. Онъ разспрашивалъ бутуза о томъ, кто онъ такой, откуда пріѣхалъ, кто его отецъ и т. п.

Финикеша доверчиво рассказывалъ ему о себѣ, внутренно радуясь, что не всѣ бурсаки таковы, какими онъ считалъ ихъ до настоящаго момента. Среди разговора Аѣиногенъ и не замѣтилъ, что „Шавка“, (таково было прозвище бурсака) вдругъ хитро забѣгалъ глазами по партѣ.

„А знаешь ты, Аѣиногенъ“, предложилъ онъ: „хочешь, я покажу тебѣ одинъ фокусъ“.

— Ну-ну?—спросилъ заинтересованный бутузъ.

„Возьми-ка носовой платокъ, да и потри по партѣ; вотъ увидишь, что изъ этого выйдетъ“.

Не долго думая, Финикеша вынулъ свой чистый носовой платокъ и потащилъ имъ по партѣ.

О, ужасъ! Отъ парты отдѣлился слой краски, испачкавъ лицо и руки Аѣиногена. Бутузъ недоумѣло поглядѣлъ на бурсака. Тотъ неудержался, хохоталъ, ухватившись за толстые бока. Оказывается, верхнія части партъ были выкрашены заново, бурсакъ подмѣтилъ это и такъ зло подшутилъ надъ бѣднымъ Финикешей. Герой нашъ, понявъ, что его одурачили, скорчилъ плачевную мину, и готовъ былъ уже разревѣться, какъ дверь отворилась, и въ классъ вошла корпорація экзаменаторовъ. Впереди шелъ низенькій пожилой человекъ, въ очкахъ и въ инспекторскомъ вицмундирѣ. За нимъ толпилось нѣсколько преподавателей. Позади всѣхъ шелъ надзиратель, высокій, худощавый, бѣлокурый, молодой

человѣкъ съ чахоточной грудью и такимъ-же, потемнѣвшимъ отъ постоянныхъ приступовъ кашля, лицомъ.

„Встать!“ скомандоваль надзиратель.

Всѣ съ шумомъ и грохотомъ торопливо поднялись и стали въ самыхъ разнообразныхъ позахъ.

„Читайте молитву“, продолжалъ надзиратель. Всѣ растерянно переглядывались.

„Читайте молитву“, прохрипѣль одинъ изъ преподавателей, толстый господинъ съ багровымъ лицомъ и налитыми кровью глазами, гнѣвно посматрѣвъ поверхъ золотыхъ очковъ на новичковъ.

Морозъ подраль по кожѣ Аѣиногена.

„Читай „Царю Небесный!“ крикнуль надзиратель, замѣтивъ блѣдность Аѣиногена и ткнувъ его сухимъ пальцемъ въ грудь. Аѣиногенъ трусливо оглядѣлся и готовъ уже былъ разревѣться отъ страха и смущенія, но встрѣтилъ ласковый взглядъ инспектора и ободрился. Дрожащимъ голосомъ и заикаясь, прочель онъ молитву.

„По мѣ-стамъ!“ скомандоваль надзиратель послѣ молитвы. Новички устремились за парты, спотыкаясь и пачкая руки и блузы о свѣжую черную краску.

Корпорация важно, съ сознаниемъ собственного достоинства, усѣлась за столомъ посреди класса, и начался экзамень.

„Аггеевъ, Ананасовъ“.... слышался мототонный, прерываемый удушливымъ кашлемъ, голосъ сухого надзирателя. Вызванные выходили, весьма некартинно согнувшись, красные, какъ раки, дрожа всѣмъ тѣломъ, съ поблѣвшими губами. Имъ задавали нѣсколько вопросовъ и отпускали на мѣсто.

„Аликринскій!“ выкрикнуль вдругъ какимъ-то неестественнымъ голосомъ надзиратель, закашлявшись и схватившись за грудь. Хотя Финикеша и ожидалъ своей очереди и возможно готовился къ выходу, однако такой вызовъ видимо засталъ его врасплохъ. Онъ быстро вскочилъ и остановился, разинувъ ротъ и глупо хлопая глазами.

„Вотъ болванъ!“ сквозь зубы прорычалъ надзиратель, въ то-же время грозно надвигаясь на Финикешу.

— Подите сюда,—мягко сказалъ инспекторъ, ласково улыбаясь и маия пальцемъ бутуза. Финикеша, смущенно опустивъ голову, вышелъ къ столу, неуклюже переваливаясь и задвывая по пути за парты.

На заднихъ партахъ послышался смѣхъ. Инспекторъ строго обернулся въ ту сторону—смѣхъ замеръ. Подойдя къ столу, Финикеша поднялъ глаза и снова опустилъ ихъ, ужаснувшись выраженія обружающихъ физиономій.

Прямо противъ него сидѣлъ толстый господинъ, съ кровавыми глазами и, казалось ему, свирѣпо посматривалъ на него поверхъ золотыхъ очковъ. Сбоку сидѣлъ худощавый господинъ семитическаго типа, съ длинной черной курчавой бородою съ просѣдью. Онъ никакъ не могъ усидѣть на мѣстѣ, поминутно приглаживая вихрами торчавшіе черные волосы и обдергивая новенькій щеголеватый вицмундиръ. Справа сидѣлъ толстый священникъ съ огромными на выкатѣ бычачьими глазами и небольшой лысиной, безмятежно сіявшей при заливавшихъ классъ яркихъ лучахъ лѣтняго солнца. Почти подлѣ Финикеша сидѣлъ старичокъ — инспекторъ, съ умными подслѣповатыми глазами, одинъ изъ которыхъ постоянно подмигивалъ, точно говоря: „Ну что, струсилъ, малый! Полно трусить, не съѣдимъ“.

И присутствіе этого человѣка оживляюще подѣйствовало на Аѣиногена. Мало-по-малу онъ оправился и бойко отвѣчалъ на предлагаемые вопросы.

„Ну-съ“, хрипѣлъ толстякъ: „прочтите-ка намъ какое-нибудь стихотвореніе“.

Финикеша бойко читалъ.

„А прочтите-ка молитву Господню“, сладкимъ голосомъ говорилъ іерей.

Финикеша читалъ.

„Хорошо, хорошо; молодець, довольно!“, сказалъ инспекторъ, ставя ему пятерку.

— Можно мнѣ выйти?—робко спросился Аѣиногенъ у инспектора.

„Идите, идите“, сказалъ тотъ, улыбнувшись: „скажите Вашимъ родителямъ, что Вы молодецомъ выдержали экзамень. Скажите, что инспекторъ хвалилъ Васъ“. Финикеша чуть на шею не бросился добряку—инспектору и выбѣжалъ изъ класса.

— Хорошо выдержалъ!—кричалъ онъ, еще издали завидѣвъ въ корридорѣ мать:—инспекторъ хвалилъ меня; говорилъ, что я—молодецъ!—И Финикеша прямо сразбѣгу бухнулся на шею матери. Группа родителей окружила счастливую мать, поздравляя и желая дальнѣйшаго успѣха.

Послѣднія минуты до отъѣзда матери пролетѣли незамѣтно. Мать повела его въ городъ и накупила ему массу лакомствъ. Финикеша ѣлъ леденцы и пастилу горстями, и былъ счастливъ.

Онъ не замѣчалъ тоскливыхъ взглядовъ матери, которая думала о близкой минутѣ разставанья.

Наконецъ, наступила эта минута. Горько плакалъ Аюногенъ, охвативъ мать за шею и не отпуская до тѣхъ поръ, пока она не обѣщала пріѣхать навѣстить его не далѣе, какъ черезъ недѣлю.

Выходя изъ училища, мать дала швейцару двадцать копѣекъ, сказавъ: „слушайте, Поликарпъ, вы видите, я отдаю Вамъ двадцать копѣекъ—послѣднія, оставшіяся у меня деньги. Не забывайте-же этого. Наблюдайте за моимъ Финикешей; смотрите, чтобы не напился онъ потный холодной воды; что-бы не обижали его товарищи“...

— Будетъ исполнено!—отвѣчалъ бравый швейцарь—оставной солдатъ, пряча деньги въ карманъ. Вдогонку онъ послалъ „дурака“ этой „наивной“ женщинѣ, которая понятія не имѣла о жизни духовнаго училища, гдѣ до сей поры безконтрольно господствуетъ право сильнаго.

И вотъ, Финикеша одинъ среди бурсаковъ. Онъ входитъ въ первый попавшійся классъ. Его тотчасъ окружаетъ толпа бурсаковъ. „Дикарь, дикарь заблудился!“ слышатся вокругъ его голоса. Дикарями въ духовномъ училищѣ называли всѣхъ новичковъ. Финикеша снова струсилъ.

„Я по... по ошибкѣ“... пытается онъ оправдаться, поспѣшно выбираясь изъ класса. Громогласный хохотъ провожа-

еть его. Кто-то выскакиваетъ изъ толпы и хватаетъ его за руку. Алякринскій поднимаетъ глаза. Передъ нимъ стоитъ его бывшій противникъ, такъ нахально отнявшій у него леденцы.

„А, мазунчикъ! А, фискалишка! Попался!!!..“ злобно кричитъ онъ, ударяя его по щекѣ: „А, сволочь! Леденцы!!!..“

— Въ чемъ дѣло?—со смѣхомъ спрашиваютъ товарищи.

„Да вотъ“... рассказываетъ онъ имъ извѣстный намъ эпизодъ, пріукрашенный солидной дозой вымысла.

Кругомъ слышится хохотъ, переходящій въ гнѣвные крики.

„Ты чего-же полезъ къ намъ, чортовъ фискаль?!!!.. Убейся!!! Ахъ, сволочь“!!!..“

Его награждаютъ ударами, пинками, щипками. Финикеша громко реветъ, пытаясь вырваться. Экзекуція усиливается....

„А-ахъ!“ застоналъ Финикеша, поворачиваясь на постели. Тоска мучительно сжимаетъ его сердце. „Папа! Мама!“ шепчетъ онъ, захлебываясь отъ рыданій: „возьмите меня отсюда! Зачѣмъ вы оставили меня тутъ посреди негодяевъ, пошлыхъ мальчишекъ!.. Зачѣмъ Вы отдали меня на истязаніе этимъ безсердечнымъ мальчикамъ“?!!!.. Слезы застилаютъ его глаза. А въ спальнѣ по прежнему тихо. Блѣдный свѣтъ луны исчезаетъ, уступая мѣсто разсвѣту. Лампада зашипѣла и потухла. Въ спальнѣ воцарился мракъ, болѣе, однако, слабый, нежели тьма, наполнявшая разбитое, измученное сердце покинутого на произволь судьбы ребенка.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

✠ ИКОНОСТАСНАЯ МАСТЕРСКАЯ ✠

Стефана Θεодоровича

ЕРМАКОВСКАГО

въ г. Черкассахъ, Кіевской губерніи.

Принимаетъ заказы новыхъ иконостасовъ, кіотовъ, церковныхъ и домашнихъ, ремонтировку старыхъ иконостасовъ, покраску и роспись церквей живописью и фресковыми орнаментами.

Всевозможная живопись и чеканка, а также картины масляными красками разныхъ сюжетовъ и малярныя домашня работы.

Все вышепоименованное исполняю добросовѣстно, по умѣреннымъ цѣнамъ и выполняю въ срокъ.

Исполнялъ иконостасныя работы въ Полтавскомъ кафедральномъ соборѣ.

За доброкачественность моихъ работъ имѣю много аттестатовъ.

Фирма существуетъ съ 1879-го года.

Недавно показалась въ свѣтъ:
„БОЖЬЯ ИСКОРКА“.
 (СВЯТОЧНЫЙ РАЗСКАЗЪ)
П. Трипольскаго.
Цѣна 5 коп.
Продается въ книжныхъ магазинахъ.

СОДЕРЖАНІЕ:—I. Отношеніе пастыря православной церкви къ общественно-экономическимъ вопросамъ.—II. Наблюденія надъ дѣтьми въ школахъ.—III. Въ вагонѣ желѣзной дороги.—IV. Отвѣтъ на «Открытое письмо», помѣщенное въ № 4 «Полтавскихъ Еп. Вѣдомостей» с. г.—V. Изъ пережитого (продолженіе).—VI. Объявленія.

Редакторы, преподаватели семинаріи | *В. Терлеуцкій.*
 | *В. Конопатовъ*

Печат. съ разр. мѣстн. дух. цензуры. 10 Марта 1907 г.

Полтава, Типогр. Торговаго Дома И. Фришбергъ и С. Зороховичъ.